

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
ВЫСТРЕЛ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Тридцать первый выстрел

«Автор»

2012

Самаров С. В.

Тридцать первый выстрел / С. В. Самаров — «Автор»,
2012 — (Спецназ ГРУ)

Руководство ФСБ крайне обеспокоено странными случаями, происходящими в разных концах света. То с палубы американского авианосца не может подняться ни один самолет, то в горах Кавказа в пропасть срываются две боевые машины пехоты... Разведка выяснила, что виновен в этих происшествиях спецпрепарат, полностью снимающий трение с любой поверхности. ФСБ также становится известно, что загадочная жидкость попала в руки террористов, окопавшихся в Закавказье. Особой группе спецназа ГРУ подполковника Апостолова поручено найти террористов разведкой боем, а затем обезвредить их...

© Самаров С. В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог	5
Часть первая	10
Глава первая	10
1	10
2	15
Глава вторая	21
1	21
2	26
Глава третья	33
1	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Самаров

Тридцать первый выстрел

Пролог

Именно так меня кто-то прозвал. Кажется, кто-то из командования, потому что прозвища, данные командованием, как правило, держатся долго, иногда многие годы. Иногда зовут проще – подполковник Тридцать Первый. А я не обижаюсь. По сути-то, и обижаться не на что. Если обсказать какому-то боевому офицеру суть моего прозвища, он не удивится и даже плечами недоуменно пожмет. Что, дескать, такого – тридцать один выстрел в минуту... Все знают, что магазин стандартного автомата Калашникова вмещает тридцать патронов. Все знают, что тридцать первый патрон можно загнать в патронник до того, как подсоединишь магазин к автомату. А почти две секунды на выстрел – это не слишком-то и быстро. Многие могут так стрелять, и все боевые офицеры, скорее всего, предположат, что так стрелять сумеют и они, хотя вряд ли пробовали. Главное, чтобы ствол автомата не перегрелся, чтобы затвор не заклинило и палец не устал нажимать спусковой крючок...

Я же могу сказать в оправдание своего прозвища только одно. Я – не просто тридцать один выстрел в минуту, я – тридцать один выстрел в минуту без промаха. Причем при стрельбе не на учебном стрельбище, а в боевой обстановке, когда в тебя тоже стреляют. Естественно, невозможно стрелять без промаха автоматными очередями. Очередь, как правило, рассчитана на одно точное попадание, остальные выстрелы в ней только страховочные. Стандартная очередь состоит из трех выстрелов, потому что после третьего ствол уже сильно уводит в сторону. Мне приходилось встречать офицеров, у которых очереди состоят из двух выстрелов – ради повышения эффективности стрельбы идет быстрая отсечка. Я же пошел дальше и стреляю только одиночными. Принципиально. Чтобы патроны почему зря не тратить. Даже на учебных стрельбах, когда все стреляют очередями, я посылаю три пули, одну за другой, настолько быстро, что выстрелы сливаются в очередь. А я даже предохранитель в режим автоматического огня не перевожу. Но это только для проверяющих. Тридцать один выстрел с такой же скоростью, как и три, сделать невозможно. Вот тридцать один выстрел в минуту – это реально. При одиночной стрельбе и ствол не перегреется, потому что пороховые газы большей частью выходят вслед за пулей.

А прозвали меня так еще в Первую чеченскую войну, когда я только капитана получил, но по лишней звездочке на погоны старшего лейтенанта прикрепить еще не успел. Тогда было в кого стрелять именно так. Это сейчас целую банду в составе тридцати одного человека не найти. А тогда банды большие были, воевать не умели, но старались взять наглостью и количеством. Вот тогда я и продемонстрировал свое умение уничтожать личный состав противника. Наш комбат тогда привел на позицию залетного московского генерала, пожаловавшего за наградами, и запретил всем стрелять, кроме меня, когда чечены в атаку пошли. Я за минуту в одиночестве остановил их наступление. Половину состава положил. Пока магазин менял, бандиты уже отступить успели. Вот тогда, кажется, я прозвище и получил...

Вообще-то я не только стрелять умею. Я обычный офицер спецназа ГРУ и умею все, что таковому положено уметь. Но после прозвища все помнят только то, как я стреляю. Это, конечно, зря, но я и на это не обижаюсь. Люди в других запоминают обычно то, что сами сделать не могут. Значит, им так легче. Хотя я, по своему характеру, на их месте просто учился бы стрелять. Это при нашей профессии необходимо...

* * *

На столе перед московским генералом ФСБ лежит пачка сигарет. Одну он вытащил и мнет ее в пальцах. Так, конечно, следовало когда-то обращаться с советскими сигаретами и папиросами, которые иначе растянуть было нельзя. Сам я никогда не курил, но от людей об этом слышал. А современные сигареты с фильтром разминать и необходимости нет.

Местный полковник из антитеррористического комитета защелкал зажигалкой, желая угодить генералу. Огонек сразу загораться не пожелал, но наконец все получилось. Генерал поднял на полковника непонимающие глаза, потом оторвался от своих размышлений, вернулся в действительность – и дунул на пламя зажигалки, показав полковнику напрасность его трудов.

– Я бросил... Так, в руках только верчу. По привычке...

Кажется, я видел что-то подобное в старом советском фильме. Если память мне не изменяет – а обычно она не изменяет, – там какой-то полковник милиции постоянно мнет в пальцах папиросы, но закуривает только в конце, когда уже наступила развязка. Но там, помнится, «Беломор» был. Это колоритно. Нынешние генералы в сравнении с теми полковниками не тянут. Но подражать и им хочется. Якобы имеют собственную изюминку. Генерал, наверное, думает, что тот старый фильм все давно забыли. Оно, конечно, не у всех же такая хорошая память, как у меня. Я с детства привык запоминать детали. Бывает, общие понятия забываю, а детали помню. Так и с этим...

– Ну что, Тридцать Первый, – генерал показал, что у него память тоже хорошая и он запомнил это числительное, ставшее моим прозвищем. – Садись ближе. Будем вместе разбираться. Это тебе вместо «вводной»...

Я скромно пододвинул стул, проверил его рукой на устойчивость и потому сел осторожно. Стул для моего не самого хилого тела был, что называется, «в коленках слабоват», но я был готов к тому, чтобы не упасть, когда эти коленки подогнутся.

– Мы имеем перед собой, – начал генерал, – несколько вроде бы не связанных друг с другом происшествий, поскольку произошли они в разных районах земного шара, тем не менее связь проследить можно. Почему выбор пал именно на тебя... Помимо того, что ты стреляешь, как этот... Не снайпер, а... Короче говоря, кроме того, что ты стреляешь, так еще и с дельтапланом знаком. По крайней мере, так твое личное дело говорит и твое командование утверждает. Это правда?

– Мотодельтаплан, товарищ генерал, – уточнил я. – Это существенная разница. Правда, я уже лет двадцать как от этого дела отошел, времени не хватает. А вообще мотодельтапланеризм люблю, как и раньше.

Последней фразой я постарался не лишить генерала надежды на продолжение разговора. Свой мотодельтаплан я собрал больше тридцати лет назад в аэроклубе в уральском городке, где тогда служил. И много летал, и с удовольствием. Но по мере повышения в званиях и должностях свободного времени оставалось все меньше и меньше, а потом вообще последовал перевод по службе с повышением, и я даже эту машину, собственными руками собранную, с собой не забрал. Так она и осталась в аэроклубе, и летает на ней, наверное, мой напарник. Мы вдвоем его и делали, хотя основную работу выполнял я, и основные средства вкладывал тоже я. У напарника такой возможности не было. Но пришлось оставить ему, потому что на новом месте еще предстояло обустраиваться, и вообще было неизвестно, появится ли у меня возможность пользоваться своей техникой. С того времени в воздух я поднимался только на самолетах, а чаще – на вертолетах, когда вылетал на боевые задания.

– Разница, говоришь, существенная... – Генерал думал о чем-то своем, и я своим присутствием, кажется, мешал ему. – Но не настолько большая, чтобы не понять суть. Воздушные потоки и прочее там, не знаю уж что... Там дельтаплан, здесь дельтаплан... Потому на тебя и

пал выбор. Ладно... Там посмотрим. Да и не в этом дело. Дельтаплан здесь тоже, как говорится, сбоку припека. Кстати, можно ли с воздуха отследить дельтаплан? С другого дельтаплана.

– Можно. С дельтаплана не видно, что над головой делается. Видно только внизу, впереди и по сторонам. А весь верхний обзор крылом прикрывается. А с мотодельтаплана это сделать гораздо легче. Скорость выше, что дает возможность для маневра. Можно даже атаковать при необходимости. Мотодельтапланы бывают и двухместными: один летит, другой стреляет.

– Это хорошо. Только дельтаплану не нужно горючее, а мотодельтаплан в этом ограничен. Полет, следовательно, недолгий.

– Не совсем так. Вернее, совсем не так. Двигатель нужен для подъема в воздух и скоростного набора высоты. А дальше уже можно его выключить и планировать, как на простом дельтаплане. Кроме того, дельталет – это мы так мотодельтаплан зовем – не требует таких затрат физических сил. На простом дельтаплане физическая нагрузка все же больше. Там спина устает. И легче он, следовательно, более подвержен влиянию ветра. Я сейчас не помню точно характеристики дельтаплана, но дельталет самой простой конструкции и со слабым двигателем летит при встречном ветре до шести метров в секунду. Боковой терпит до трех метров в секунду. Простому дельтаплану такие характеристики не снились.

– И это тоже хорошо. Значит, мотолет...

– Дельталет, – поправил я.

Генерал помолчал, собираясь с мыслями, убрал размятую сигарету в пачку и стряхнул со стекла на столе крошки табака прямо себе на колени.

– Значит, так... О дельтаплане потом. Сначала о происшествии, собственно... Первое происшествие далеко от нас. В Ормузском проливе, у берегов Персии... Ирана то бишь. В одно прекрасное утро американский авианосец, вошедший в пролив во время учений иранских военно-морских сил, попал в странную ситуацию. Ни один самолет на его борту не мог взлететь в течение нескольких часов. И полеты начались только во второй половине дня после того, как авианосец попал в кратковременный, но сильный ливень. Нам об этом случае известно только из американских отчетов, что сумели перехватить радиолокационные службы и умудрились расшифровать специалисты. Да еще кое-что проскочило в американской прессе. Данных у нас нет никаких. А в прессе, но не в отчете, было высказано предположение, что ночью над авианосцем пролетел дельтаплан. Причем не поперек его пересек, а по всей длине корпуса. Вахтенный матрос даже пытался дать по нему несколько выстрелов из карабина, но ночь была темная, облачная, и дельтаплан скрылся из зоны видимости раньше, чем матрос успел подготовить карабин к стрельбе. Раньше его увидеть не сумели. Вот и скажи мне, Тридцать Первый, можно сделать дельтаплан из таких деталей, которые локаторы не уловят?

– Никаких проблем, товарищ генерал. Есть ткани, которые пропускают через себя лучи любого локатора. Есть полимерные трубки, идущие на изготовление каркаса. Отсутствие металлических деталей, соответствующая моменту ткань на само крыло, отсутствие металлических украшений в виде пряжек и пуговиц на одежде пилота – и все. Локатор будет бессилен. Человеческое тело лучи локатора не отражает, только частично поглощает.

– Вот-вот. Вероятно, это и произошло.

– А почему самолеты взлететь не могли? – спросил я. Естественно, не из любопытства, а из понимания того, что это меня должно касаться напрямую.

– А потому что у них колеса не крутились. Крутились то есть, но сдвинуть самолеты с места не могли. И вообще... По взлетной палубе можно было только ползком передвигаться, и то при условии, что качка будет несильной. А качка была сильной. Американцам страшно повезло, что никто за борт не скатился. Вся взлетная палуба стала вдруг до безобразия скользкой. Лед таким скользким не бывает. Так, по крайней мере, моряки утверждают. В течение десяти минут по палубе невозможно было передвигаться. Но с испуга пилоты не взлетали целых полдня.

– И что это было?

– Работала комиссия. Результатов ее работы мы не знаем.

– В моей боевой практике таких случаев, товарищ генерал, не было, и потому ничего дельного сказать не могу, – честно признался я.

Генерал, непонятно с чего вдруг, взбеленился.

– Оставь ты в покое свою боевую практику, – истерично махнул он на меня рукой. – Я вон Афган прошел, и то про свою боевую практику молчу. А что у *тебя* за практика может быть!..

– Ну, кое-что и я прошел, – вежливо позволил я себе за себя вступить, впрочем, не слишком громко и настойчиво, поскольку сильно возражать генералам в армии не принято.

– Да что ты в жизни видел! – воскликнул он. – Тебе, скажем, пуля в задницу попадала? Тогда и молчи про свою практику. Ничего ты в жизни не видел, – после резкого психопатического припадка и высказывания спорного аргумента генерал вдруг так же резко успокоился. Наверное, болезненные воспоминания о том, что он долго не мог после ранения сидеть нормально, охладили его пыл. – Да и я, скажу честно, такого, как на авианосце, тоже не видел. А две недели назад здесь, на Северном Кавказе... Я сам не видел, но... Короче говоря, банда захватила село. Туда выдвинулись все ближайшие силы. С двух сторон. И на горной дороге, на крутом повороте, две боевые машины пехоты сорвались с обрыва, хотя скорость была допустимой для условий движения. Они просто съехали в сторону. Машины не слушались управления. А потом два офицера и солдат, побежавшие к обрыву, тоже свалились. Невозможно было не только пройти, но даже стоять невозможно было. Короткий участок дороги в двадцать метров вдруг стал таким скользким, каким лед не бывает. БМП... понимаешь, даже не бронетранспортер на колесах, а БМП на гусеницах, тяжелые машины, не смогли остановиться. Металлические гусеницы не имели сцепления с полотном дороги. И обувь тоже, как говорят, вообще не держала.

– Вижу, товарищ генерал, аналогию, – только и нашел я, что сказать, чтобы не нарваться на новую вспышку психопатии.

– Это еще не все. Есть и еще одна аналогия. Может быть, связующая, может быть, просто методическая. Не имею пока данных, хотя надеюсь получить их от тебя. Так вот... Над колонной за десять минут до происшествия пролетел дельтаплан, хотя ближайший спортивный клуб, который имеет такие штуки, находится только где-то под Эльбрусом. Да и то в клубе всего три человека. Они только-только юридический статус обрели и живут, по сути дела, на одном энтузиазме, имея один-единственный дельтаплан на троих. От места происшествия далеко. Но и в самом клубе в этот день никто не летал. Дельтаплан вообще находился в разобранном виде и был сдан на ответственное хранение на туристическую базу. Откуда над дорогой взялся аппарат, никто нам с тобой не скажет, если сами не узнаем. Но его видели многие. Летел над самой, по сути дела, дорогой, достаточно низко, круто срезал повороты, обогнал колонну...

Я промолчал, опасаясь сказать что-то не то, что может вызвать у генерала следующий приступ ярости. Молчал и он, ожидая моей реакции. Но не дождался и вынужден был продолжить.

– Через час прошел снег с дождем, и дорога снова стала проходимой. Но комиссия, приехавшая разбираться, нашла на гусеницах разбившихся БМП не смытые полностью реагенты. И характеризовала их как суперлубликаны. Знаешь, что это такое?

– Никак нет, товарищ генерал, – как честный человек, я не старался казаться умнее, чем есть, хотя что-то о суперлубликантах слышал.

– Это химические вещества, полностью уничтожающие трение. Остатков было слишком мало, чтобы полностью классифицировать их. То есть определить производителя невозможно.

– А перечень производителей известен?

– Россия, США, Великобритания, Германия, Франция, Израиль и Япония. Последняя в отличие от остальных разрабатывает и использует суперлубликаны не как боевое вещество

несмертельного действия, а как промышленную смазку для особых условий работы механизмов. Снимают такой смазкой трение в различных механизмах, на монорельсовых железных дорогах, еще где-то в технике. Все остальные разрабатывают суперлубриканты пока только как оружие несмертельного действия, но производство предельно ограничено, поскольку область применения еще не определена конкретно. Дело в том, что практически все суперлубриканты после применения вызывают тяжелые экологические последствия. И никто не афиширует своих разработок, хотя разведки тоже не спят и многое друг о друге знают. Но пока производство предельно ограничено, и потому есть возможность строгого учета.

– Я понял, товарищ генерал. Значит, моя задача...

– Мы развернули систему поиска по всем каналам, подключили всех своих информаторов. Твоя задача состоит в том, чтобы влиться в эту систему и, используя в том числе и наши данные, найти и, естественно, уничтожить. Но перед уничтожением хотелось бы кое-что узнать. Понимаешь меня? Ты же, Тридцать Первый, военный разведчик, а не просто диверсант. И потому узнавать, наверное, умеешь, как и другие офицеры твоей группы.

– Задачу понял, товарищ генерал.

– Тогда приступим к более конкретной разработке. Полковник!

Полковник на сей раз поднес генералу не зажигалку, а конверт с CD-диском, который генерал сразу вставил в дисковод стоящего на столе компьютера. И монитор развернул так, чтобы мне было видно изображение и текст.

– Для начала полюбуйся картой, – сказал он и ткнул в монитор пальцем. – Вот здесь где-то все и произошло. На этом участке дороги.

– Скорее всего, товарищ генерал, на следующем повороте, – подсказал я. – Дорога знакомая. На следующем повороте под асфальтом большой слой глины. Зимой его поднимает водой, и образуется уклон во внешнюю сторону поворота, в сторону пропасти.

– Надо же, – удивился генерал. – Ты что, весь Северный Кавказ знаешь?

– Только те участки, где бывать доводилось.

Я проявил скромность и не стал уточнять, что в действительности бывал почти на всех опасных участках Северного Кавказа, а что касается Чечни, то я ее ночью знаю даже лучше, чем днем, потому что ночью, например, практически весь Грозный на брюхе проползал. Так что в темное время суток хорошо ориентируюсь, а днем некоторые места узнаю с трудом.

– Да, наверное, ты именно тот человек, который нам нужен для этой операции, – сделал вывод генерал.

И опять я не стал вслух произносить фразу о том, что полностью с ним согласен. Я с детства был скромным...

Часть первая

Глава первая

1

Мне и моей группе повезло даже в том, что ФСБ в наше время, хоть при всем своем старании и не приобрела такое же влияние, какое в свое время имел КГБ, все же кое на что тоже способна. И год от года работает все наглее, что говорит об осознании собственного авторитета и – частично – собственной безнаказанности. Одно неплохо, второе похуже, но вместе это все способно дать результат. И генерал ФСБ расстарался для меня. Уже на следующее утро мне позвонили, попросили встретить и разгрузить машину. Для меня отправили двухместный мотодельтаплан. Я, говоря честно, не просил. Но если генерал постарался, то мне грех было отказываться. Тем более что в каких-то запыленных генеральских планах, возможно, и плавала мысль об использовании в операции летательного аппарата. А ближе к обеду должна была прийти вторая машина. Вернее, даже две. Одна, микроавтобус, везла бригаду ученых специалистов; вторая – стандартный армейский «кунг»¹ – оборудование этой бригады. Что за оборудование, я понятия не имел. Но генерал предупредил, что бригада будет не только вести исследование всего, что я со своей группой для нее добуду, но и активно помогать мне.

Честно говоря, как мне показалось, задачу моей отдельной мобильной офицерской группе поставили не самую сложную. Конечно, мы имели и собственную агентурную сеть, и могли бы пользоваться ее услугами, как обычно. Однако в этот раз нам не пришлось начинать поиск с нуля. Агентурные сети ФСБ и антитеррористического комитета для нас постаралась, и данных было собрано немало. Работать ФСБ тоже уже, кажется, чуть-чуть научилась. Тем более что учились они по методическим разработкам КГБ, которые вовремя не успели уничтожить; следовательно, традиции старой школы сохранили. И даже начали поиск правильно, определив главенствующие величины, от которых и стоило плясать. Во-первых, сразу попытались установить возможную связь местных событий с событиями у побережья Ирана. Во-вторых, одновременно стали искать самые заметные проявления, связанные с ЧП на дороге. То есть искали дельтаплан. А последний – не такое уж частое явление в здешних горах, чтобы на пролетающего дельтапланериста никто не обратил бы внимание. Невозможно летать по воздуху на сравнительно небольшой высоте и оставаться при этом невидимым для местных жителей, которые привыкли видеть в небе только птиц и военные вертолеты. И если первого результата предстояло ждать еще долго, потому что из-за границы информация не всегда поступает со скоростью телеграммы, то по второму направлению уже появился результат. И нам этот результат предоставили.

Подобная оперативность радовала, хотя это, наверное, была даже не оперативность. Просто мою группу включили в операцию лишь на необходимом этапе после получения предварительных данных. Тем не менее, все равно было приятно. Нам эту информацию уже не нужно было искать, поскольку диск с данными я получил в свое распоряжение из рук генерала в момент первой встречи. Места, где видели дельтаплан, были обозначены на карте с приблизительным указанием даты и времени. Точные время и дату указать, наверное, не мог никто,

---

¹ «Кунг» – общеупотребимое в армии понятие, производное от аббревиатуры КУНГ (кузов унифицированный нормального габарита). По сути дела, этим словом обозначается обыкновенная будка, поставленная на шасси грузовика. Может иметь любое предназначение – от штабной до научной машины.

потому что опросы осведомителями проводились, что называется, постфактум. Но нам и этого было достаточно, даже при том, что неувязки наводили на определенные мысли. Три полета из девяти зарегистрированных совмещались во времени, но только два из них проводились на расстояние, которое позволяло предположить, учитывая расплывчатые временные характеристики, что дельтаплан мог преодолеть путь от одной точки наблюдения до другой. Относительно третьего из этих полетов разногласия определялись, скорее всего, человеческой памятью – вернее, ее отсутствием у кого-то, кто дал информацию. Вероятно, был перепутан день. Но для нас главное было не во времени, а в районах. Это позволяло вести целенаправленный поиск...

* * *

Вечером, вернувшись на базу, я не стал озадачивать группу, с которой проводил занятия мой заместитель майор Желобков. Во-первых, я знал, что Желобков, когда проводит занятия, дает такую нагрузку, что и ноги, и руки, и спина потом гудят, как деревянные столбы в линии электропередачи. А это обычно мешает хорошо мыслить. Во-вторых, я оттягивал свое сообщение, чтобы не расстраивать ребят. Официально наша полугодовая командировка заканчивалась через десять дней. А обычно операции, связанные с предварительным поиском, затягивались минимум на полтора месяца. Правда, здесь часть работы была уже выполнена. Остался только оперативный поиск, который в наших силах провести быстрее, а потом уже и завершающая фаза операции. Но предполагать сроки всего этого было делом нереальным, и никто бы не взялся за такое. И потому я предпочел промолчать и даже отмахнуться от своего заместителя.

– Так... Поболтали. Работа небольшая. Завтра расскажу...

Но и с утра рассказать я ничего не успел, потому что следовало встретить машину и подготовить ангар для стоянки мотодельтаплана. Если память мне не изменяет, то стоянка без ангара или без подстраховки от опрокидывания запрещается при ветре скоростью более шести метров в секунду. Такой ветер случается нечасто, тем не менее бывает. И, чтобы машину не изуродовало, ей требовалось сразу подготовить условия. Мне сразу подумалось, что нужен ангар, а не простые крепления. Это чтобы не пришлось отвечать на вопросы любопытных. Под базу спецназу ГРУ выделили площади какого-то бывшего производственного комплекса; может быть, даже завода, давно забывшего, что он когда-то выпускал. И производственные помещения на роль ангара вполне могли бы подойти. Хотя меня смущали ворота, которые, возможно, пришлось бы расширять. Или же разбирать каждый раз крыло², что не есть хорошо. Но сначала следовало вообще посмотреть, что представляет собой машина, и узнать размах самого крыла, а потом уже примеряться к воротам в производственный корпус.

Помещения я сразу осмотрел. Два из трех были заняты под гаражи для армейской техники, а третий вполне мог бы подойти нам. И даже не весь корпус целиком, а только его часть. Третий корпус имел, на поверхностный взгляд, вполне подходящие ворота. И даже рельсы были, наполовину засыпанные землей. Наверное, можно было бы и тележку найти, которую катали по этим рельсам, чтобы использовать ее при необходимости. До прибытия машины я успел найти коменданта военного городка и договорился с ним относительно производственного корпуса. Возражений не последовало, хотя я готов был надавить авторитетным звонком генерала ФСБ. Комендант обещал написать приказ в течение десяти минут после завтрака. Таким образом, производственный корпус перешел в распоряжение спецназа ГРУ. Туда же я

---

² Конструктивно мотодельтаплан состоит из двух модулей: пилотажного и функционального. Первый представляет собой, по сути дела, обычный дельтаплан, только имеющий значительное усиление конструкции со всеми составляющими элементами. В обиходе этот модуль называют «крылом». Второй, по сути дела, является определенной копией фюзеляжа облегченного самолета и включает в себя силовую раму, шасси, сиденья пилотов и прочее. Здесь же устанавливается двигатель с воздушным винтом и бензобак. Эта часть мотодельтаплана в обиходе именуется «тележкой».

планировал устроить и научную бригаду вместе с двумя машинами. Это тоже не встретило возражений со стороны коменданта.

И как раз после завтрака, когда последний, видимо, писал приказ, пришла машина. Мне позвонили с проходной; я послал старшего лейтенанта Сережу Мальцева встретить машину и показал, куда ее следовало перегнать. Доверенность на получение я подписал еще накануне в кабинете генерала, и она должна была сейчас быть у экспедитора...

* * *

Я сел за стол у окна перед включенным заранее компьютером и вставил диск, чтобы еще раз посмотреть данные перед тем, как поставить группе задачу. Сам наблюдать за разгрузкой машины не пошел. Это своего рода разновидность мазохизма. Я люблю иногда вот так оттянуть самый интересный для меня момент. Удовольствие от этого получаю. Больше двадцати лет прошло после моего последнего полета на дельталете, а любовь к полетам не прошла. Сильная любовь, говорят, никогда не проходит, если не будет вызывать отвращения. Такое тоже иногда случается. У меня отвращения к дельталету не было, и взяться ему было неоткуда. Слава богу, падать и разбиваться не доводилось. Вот условий для любимого занятия не было, и это многое решало. Если, скажем, моя группа после командировки получает заслуженный отпуск, то я, как командир, тоже получив такой отпуск, воспользоваться им в полной мере не могу, хотя и хочется иногда на все плюнуть и о себе, любимом, подумать. Но я вовремя вспоминаю, что у командира много забот, и никто, кроме него, заботу о будущем группы проявлять не будет. И я забочусь...

А оттянуть приятный момент, подавить свое любопытство – в этом есть какой-то приятный момент. Зато потом это любопытство будет удовлетворено вдвойне и втройне. И будет гораздо приятнее прикоснуться к машине, на которой вскоре мне предстоит летать. Может быть, даже сегодня днем. Все зависит от того, как быстро удастся собрать мотодельтаплан. А это, в свою очередь, зависит от того, насколько крупными узлами его готовили к отправке. Чем крупнее узлы, тем быстрее сборка.

Я посмотрел в монитор на карту, чтобы оторваться от приятных дум и приступить к непосредственным делам, увеличил ее, насколько позволяло разрешение изображения. Но карта опять навела меня на мысль о полете над местностью, мысль против воли трансформировала графическое изображение в реальное, и я представлял все это сверху, словно видел в полете. Представил реально, как наяву... Нет, так работать было невозможно.

А вскоре я поймал себя на том, что вместо монитора смотрю в окно. Но возвращаться взглядом к карте не спешил, потому что увидел, как старлей Мальцев идет в мою сторону характерной «зимней походкой». Что такое «зимняя походка» у спецназовца, понять нетрудно всякому, кто ходил в горный зимний маршрут, как нетрудно и догадаться, откуда эта походка взялась. Тропа в зимних горах – а когда ее нет, и любая поверхность, по которой проходит маршрут, – предполагает, что человеку лучше не поскользнуться и не падать. Слишком много здесь таких мест, где его придется долго отскрести от камней, когда он сорвется с большой высоты. Потому на зимнем маршруте ноги обычно ставятся шире обычного, и походка от этого становится слегка раскачивающейся, что называется, морской. К такой походке старательно привыкаешь, а потом трудно от нее отвыкнуть. Впрочем, и летом в горных условиях такая походка часто помогает идти увереннее, не поскользнуться и не спотыкаться.

И все же, пока старший лейтенант преодолевал двести метров до здания, я усилием воли заставил себя сосредоточиться, уменьшил масштаб карты, чтобы не местность рассматривать, а иметь возможность сделать анализ, который, кстати говоря, за меня уже сделали аналитики ФСБ. Они даже запросили все данные по погоде в дни, когда были зарегистрированы полеты, и предоставили их мне. И я теперь мог ориентироваться на скорость ветра и условия для безопас-

ного полета простого дельтаплана и сделать вывод о возможном векторе полета. К сожалению, я имел дело только с дельтапланом, а не с дельталетом. Там можно было хотя бы приблизительно подсчитать запас топлива, рассчитывая на стандартный бак, и определить продолжительность полета. Хотя и здесь могли бы возникнуть проблемы, поскольку дельталет имеет возможность после набора высоты лететь с выключенным двигателем, просто планируя. Но даже приблизительный подсчет расстояния дал бы хоть что-то. Не каждый мотодельтапланерист будет планировать в полете. С двигателем многие чувствуют себя увереннее. Все зависит от опыта и мастерства самого пилота. Да и необходимости летать на дальние расстояния у человека, имеющего не самые добрые намерения, нет. В нашем случае дельтаплан летал, скорее всего, по необходимости. Сначала выбирались наиболее удобные участки для проведения какой-то акции, о чем говорит тот факт, что все полеты проводились вблизи дорог на участках, где есть во множестве повороты и обрывы рядом с этими поворотами. А потом уже проводилась сама акция.

Мне не дано было знать, какие цели преследовали неизвестные. Я был склонен допустить, что захват села производился специально для того, чтобы заставить федеральные силы двинуться в эту сторону. И дорога была подготовлена для этого. Подготовка сводилась, скорее всего, к опылению небольшого участка. А для чего? Только для того, чтобы несколько машин сорвалось с обрыва? Что мешало просто заминировать этот участок? Если мне не изменяет память, на той дороге даже есть скалы, которые нетрудно уронить мощным взрывом на само асфальтовое полотно и накрыть целую колонну. Нет. Здесь было что-то другое. И в этом мне с моей группой необходимо было разобраться...

* * *

– Разрешите, товарищ подполковник?

Старший лейтенант Мальцев, войдя в кабинет, по-гусарски щелкнул каблуками. Жалко, что в спецназе ГРУ по форме не положено носить шпоры. Они у Серёни всегда бы сильно и красиво звякали.

– Что, Серёня, спрашиваешь, если уже вошел? Докладывай.

– Там какой-то летательный аппарат, товарищ подполковник. Они не ошиблись? Это точно нам? А то загружать потом...

– Нам. Мне лично. Хочу бросить вас на произвол судьбы и податься в авиаторы... Опись всю проверил?

– Майор Желобков командует. Со списком стоит, все галочками отмечает. Он ни один винтик не пропустит.

– Геннадий Викторович у нас человек пунктуальный. И хорошо. А то взлечу я, тебя за собой посадив, а машина без одного винтика в воздухе развалится. Падать неприятно, особенно с большой высоты.

– Не знаю, товарищ подполковник, не падал никогда, – возразил Мальцев. – Умозрительно могу предположить, что падать не больно. Вот приземляться после падения – хуже.

– Тогда иди и смотри, чтобы все было на месте. Помогай Желобкову, если разгружать не хочешь. Я сейчас подойду.

– Вот документация, – Серёня, как все в группе звали старшего лейтенанта, положил на стол передо мной пакет с документами на мотодельтаплан. Пакет был объемным, за пять минут не прочитаешь. – Здесь и инструкция по сборке, и все технические характеристики.

– Иди, смени Желобкова. Пусть он разгружает.

Старший лейтенант Мальцев не лентяй и не из состава выздоравливающей команды, каковую в состав отдельной мобильной офицерской группы, как известно, не включают. Серёня – один из пары наших штатных снайперов. А снайперу, в соответствии с его функци-

ональной готовностью, запрещается работать с грузом тяжелее двадцати пяти килограммов. Это чтобы руки при стрельбе не дрожали. Серёня инструкцию свято чит и даже на занятиях по «физике», где другие тягают штангу или испытывают на выносливость турник, он предпочитает бить кувалдой по тракторной крышке, чтобы увеличить силу удара, или просто «лом ломает» – вытягивает на двух руках перед собой лом и старается согнуть его кистями рук. Согнуть, понятно, никогда не согнет, тем не менее кисти это укрепляет. А весит лом вполтину меньше допустимого. Инструкция в этом случае может гордиться своей девственностью, старлей ее не нарушает. И я заставить его нарушать права не имею, так же, как и второго снайпера группы лейтенанта Славу Свистина. Но в группе у меня четырнадцать человек, не считая командира, и заниматься разгрузкой машины, слава богу, есть кому.

Мальцев вышел, не забыв перед дверью звонко щелкнуть каблуками. Проводив Серёню взглядом через окно, я взял в руки пакет с инструкциями и сразу начал с технических характеристик, а вовсе не с инструкции по сборке. Но успел только открыть первую страницу. Прочитать ее мне помешал телефонный звонок. Поскольку звонили не на мобильник, а на стационарный аппарат, я предположил, что звонок этот носит официальный характер, и потому трубку снял сразу.

– Подполковник Апостолов. Слушаю...

– Здравствуй, Тридцать Первый, – я узнал голос вчерашнего генерала ФСБ. – Получил машину? Нравится?

– Так точно, товарищ генерал. Получил. Относительно того, насколько она нравится, могу сказать только после первого полета. Я же успел только открыть первую страницу инструкции, когда вы позвонили.

– Придется оторваться от любимых дел. Разговор нам предстоит не телефонный. Машина у тебя есть, кажется?

– «КамАЗ». Выделен в распоряжение группы вместе с водителем.

– Водитель, может быть, даже трезв?

– Так точно, товарищ генерал. Может и такое быть, – позволил я себе вольность в отношении генерала чужого ведомства, хотя вообще-то, как человек сугубо военный, я к субординации всегда отношусь трепетно и уважительно разговариваю даже с ментовскими генералами.

– Тогда срочно приезжай ко мне. Пропуск я уже заказал.

– Что-то случилось?

– Я же говорю, не телефонный разговор.

– Я имею время отдать необходимые распоряжения по разгрузке?

– Отдавай. Полчаса тебе хватит?

– Так точно.

– Пятнадцать минут на дорогу, учитывая гололед. Через сорок пять минут жду тебя у себя в кабинете.

– Понял, товарищ генерал. Еду.

Вообще-то кабинет, где меня ждали через сорок пять минут, не был его кабинетом. Помещение генералу выделили во временное пользование только на период операции. Но генерал, кажется, к кабинету так привык, что и в Москву возвращаться был не намерен. По крайней мере, к креслу уже прикипел.

Я закрыл в сейф компьютерный диск со всеми данными по предстоящей операции, забрал с собой инструкции по мотодельтаплану и отправился в производственный корпус. Уже из-за угла увидел, что большой тентованный грузовик стоит под разгрузкой задом к воротам. Мне показалось, что разгружают непрестительно долго. Но, подойдя ближе, я отыскал щель между бортом грузовика и воротами, проскользнул в нее и увидел, что офицеры моей группы пьют чай вместе с водителем и экспедитором из большого трехлитрового термоса. Разгрузка уже была закончена.

– Ребята попросили тару им освободить, чтобы они на обратный путь свежачок заварили, – встав, объяснил мне майор Желобков. – Вот и помогаем, командир...

– Меня опять по вчерашнему адресу вызвали, – объяснил я, протягивая майору пакет с документацией. – У тебя же образование техническое есть, вот и командуй сборкой. Только сначала посмотри, чтобы крылья в ворота проходили, а то потом разбирать придется.

– Понял. Ты пешком?

– Машину возьму.

– Что за дело?

– Вернусь, буду вводить в курс.

– Надолго хоть?

– Как справимся. Или, точнее, как повезет...

2

Водитель «КамАЗа», закрепленного за моей группой, оказался трезв, чему я, впрочем, не сильно удивился, потому что ни разу не чувствовал от этого старшего прапорщика запах спиртного. Даже в выходные дни, когда приходилось вызывать Володю из дома по случаю срочного выезда группы. Машину он держал в теплом гараже комендатуры, поэтому долго прогревать двигатель необходимости не было, и выехали мы вовремя. Ехали не торопясь, памятуя, что дороги скользкие. Но ровно в назначенное время, для верности даже посмотрев на часы, я постучал в дверь генеральского кабинета, услышал приглашение и вошел.

Перед генералом стояли два полковника, красные и потные, хотя температура в кабинете если и была выше нормальной, то только от нагоняя, который московский генерал давал двум местным «полканам». Оставалось надеяться, что это пошло им на пользу.

– Свободны... – Генерал махнул рукой, и парочка, как мне показалось, испарилась в воздухе. По крайней мере, я не услышал, как за моей спиной хлопнула дверь.

Лучше было бы, если бы они вообще испарились. Навсегда то есть. Потому что я и того, и другого знал. Полковники из прикомандированных, приехали на полгода только ради получения наград и включения в пенсионные отчисления так называемых «боевых». Перед пенсией многие в «горячие» точки просятся в командировку. По той же причине. Но здесь, на местах, как показывает практика, такие люди только мешают. И у генерала, думаю, были вполне веские основания для нагоняя. А с его горячим нравом я познакомился еще накануне. Да и теперь не знал, когда ждать следующей вспышки его бычьей ярости. Но, как было вчера, так произошло и сегодня. После разрядки генерал сразу подобрел и чуть ли не ласково предложил мне присесть на тот самый стул, что я испытывал своим весом накануне.

– Ты вообще-то, Тридцать Первый, о предстоящей операции хорошо подумал?

– Чтобы хорошо подумать, товарищ генерал, требуется иметь данных больше, чем у меня есть. Я пока продумал меры поиска и примерно определил район. В местных горах найти площадку для взлета и посадки дельтаплана тоже не всегда можно. Ну, взлет – это еще без проблем, годится вершина любой скалы. А вот совершать посадку в скалы – это сложно. И с дельтапланом по горам таскаться не менее сложно. И потому я предполагаю, что нам следует искать поляну, на которой можно совершать посадку. И где-то рядом должна быть база бандитов. Думаю, сам дельтапланерист таскать по горам свое «крыло» не будет. Он здесь человек редкий, ценный кадр; следовательно, находится на привилегированном положении. Бандиты – люди восточного склада характера, и привилегии среди них – дело привычное. И посадку такой человек будет производить рядом с базой, чтобы «крыло» отнесли в сторону от места посадки и спрятали.

– Это все хорошо. Докладывай, когда что-то делать надумаешь... Но я не о том спрашиваю. Ты думал о том, зачем была совершена сама акция на дороге? Уронить с обрыва две БМП и засветиться с таким раритетом, как суперлубликант? Мне не совсем понятно...

– Мне тоже, товарищ генерал. Гораздо проще было при необходимости взорвать скалу и завалить всю колонну. Разве что нет в наличии достаточного количества взрывчатки... Но я посмотрел вчера материалы по нападению бандитов на село. Это не похоже на обычный налет. Они только расстреляли участкового инспектора полиции и председателя сельсовета да ограбили продуктовый магазин. Стоило ли ради этого вообще в село заходить, да еще показывать свои наличные силы? Двадцать один человек по нынешним временам – это очень большая банда. И при этом они вошли в начале дня, а не ночью, дали возможность председателю сельсовета и участковому позвонить своему начальству и доложить обстановку. Это необычное поведение для бандитов. Нехарактерное поведение. И еще я обратил внимание на показания, данные местными жителями. Очень они меня настораживают.

– Что тебя настораживает? – переспросил генерал.

– Несколько человек было без оружия. А больше половины бандитов было в масках «ночь».

– Без оружия – это странно. А чем тебе маски не нравятся?

– По нынешним временам бандиты их не носят. Я единственный раз за последние три года столкнулся с маской на бандите в случае, когда был похищен человек, и боевики послали диск с видеозаписью. Там типус, который бил пленника, был в маске. Больше ни разу не встречал. Они своего дела не стесняются. И если человек ушел в бандиты, все это знают. Не любят они прятаться. Может быть, гордость горская не дает. А здесь... Я бы еще не задумался, окажись в масках два-три человека. Но когда больше половины – это наводит на сомнение, и появляются определенные выводы.

– Вот и выкладывай свои сомнения. Двумя головами всегда лучше думать.

– Подумалось мне, что банда сама по себе не такая уж и большая. Просто «душки» пригласили с собой своих друзей и родственников для количества, для создания переполоха. Такая большая банда не может не вызвать переполох. Она и вызвала. Даже вас, товарищ генерал, из Москвы прислали во многом поэтому.

– Меня отправили тогда, когда стало известно о применении суперлубликанта, – строго поправил меня генерал. – Это дело проходит по моему отделу, как и все технические новшества и новинки вооружения. Я объясняю это для того, чтобы ты имел понятие о том, к кому напрямую обратиться, если вдруг когда-то столкнешься с чем-то подобным. Можешь звонить сразу мне. Номер есть у тебя на диске.

– Да, товарищ генерал. Я запомнил номер.

– А для чего бандитам был нужен шум?

– Чтобы в село выступили большие силы. Они заранее определили, откуда эти силы могут выступить, и подготовились. Изучили дорогу, нашли подходящее место...

– А для чего все это? В бой они все равно не вступили, из села вышли до прибытия федеральных сил... Для чего им все это было нужно?

– Есть пара вариантов. Первый. Определялся, грубо говоря, мобилизационный момент. То есть вычислялось, какое время потребуется федеральным силам, чтобы начать операцию. Такая разведка обычно должна соответствовать подготовке к какой-то другой, более серьезной и масштабной операции, о которой мы пока не подозреваем. И второй вариант – более, на мой взгляд, близкий к истине. Федеральные силы поднимались для испытания суперлубликанта. В первом случае его применение было бы ненужным. А здесь все сработало, как при настоящих полевых испытаниях. И даже не против колесного транспорта, а против гусеничного, то есть имеющего более прочное сцепление с дорожным полотном. Я только не пойму, какая

необходимость была в использовании дельтаплана. Ведь можно было просто опрыскать дорогу и ждать, когда пойдет колонна...

– Здесь у тебя, Тридцать Первый, тоже должны быть свои вероятные варианты?

– Есть варианты, товарищ генерал. Во-первых, это можно отнести к восточной ментальности, к стремлению создать красивый эффект. Все горцы имеют к этому склонность. Эффект для них зачастую важнее эффективности. Во-вторых, испытания проводились для прощупывания почвы на случай проведения какой-то крупной акции, когда будет невозможно опрыскать дорогу вручную. Например, против определенной машины на дороге с большим движением. Там сразу после опрыскивания разобьется несколько машин, а остальные встанут. В том числе и та машина, против которой должна проводиться акция. Я бы даже предположил, что это будет не одна машина, а целый кортеж...

– Я понял тебя. Заодно проверялась реакция на остановку. Две БМП упали, остальная колонна остановилась до попадания на обработанный участок. Своего рода проверка реакции.

– Это едва ли. Они не будут охотиться за бронетехникой. Легковые же машины идут на другой скорости, а там реакция совершенно другая, и тормозной путь у резиновых покрышек и металлических траков несопоставим. Кортеж обычно вообще все допустимые лимиты скорости старается превышать. Я сам пару раз при встрече с кортежами чуть с дороги не вылетал. Так что не просчитаешь. Хотя наблюдатель мог сидеть где-то неподалеку.

– Может быть, – согласился генерал, думая о чем-то своем. – Может быть, ты прав... Короче говоря, ты телевизор вчера вечером смотрел?

– У нас, товарищ генерал, телевизора нет. Впрочем, я и дома его не смотрю. Принципиально. Не желаю получать вирусы сознания. Есть такой термин.

Генерал усмехнулся почти по-человечески, совсем не по-генеральски.

– Здесь ты не совсем прав. Что такое вирусы сознания, я знаю. Сам иногда в церковь хожу и по себе вижу, что, когда смотришь телевизор, не можешь удержаться и впадаешь в грех – начинаешь осуждать. Это так. Но, с другой стороны, как только увижу на экране, например, Аллу Борисовну, сразу думаю, что сатана по сути своей – самое коварное существо на свете и после окончания моей земной жизни обязательно поместит меня в один котел с ней. А для меня это невыносимо. И я сразу стараюсь исправиться, чтобы в ад не попасть или хотя бы за счет каких-то добрых дел избежать такого соседства. В аду ведь тоже грешников классифицировать должны. Так что в какой-то степени телевидение и полезно... Но я сейчас не об этом. Вчера в новостях показывали серьезную аварию на Минском шоссе, недалеко от МКАД. Двадцать восемь автомобилей столкнулись. Из них четыре большегрузных фуры, которые всех сминали своей массой. Много пострадавших. Крупнейшая за последние годы авария в России. Водители не понимают, что произошло. Поворот был не крутой. Ехали все нормально, никаких проблем вроде бы не было. Но в какой-то момент машины перестали слушаться руля, и тормоза у всех сразу пропали. На одном небольшом участке. При повороте вправо машины продолжали двигаться прямо – и вылетали на «встречку». А там – сам понимаешь, свалка металлолома... Телевидение только это и показало. Но все же обмолвилось о том, что в это время на Минском шоссе проходила погоня за бандитами, ограбившими ювелирный магазин и убившими его хозяина, и в общую аварию попали две ментовские машины. Бандиты, по показаниям продавщицы магазина, будучи в масках «ночь», лица не показывали, но разговаривали с откровенным кавказским акцентом. Хотя не факт, что это были кавказцы, потому что акцент подделать несложно, и легко пустить следствие по ложному пути. Тем не менее, мы мимо этого факта пройти права не имеем и даже обязаны предположить связь между московским инцидентом и нашим. Но я не все еще сообщил. Ты, вижу, не понимаешь... Меня, естественно, такая авария и ее внешние характеристики не могли не заинтересовать. Я стал звонить. Наши специалисты подключились к ментам только ночью, поскольку им никто не сообщил странности этой аварии. Но все же успели вовремя и нашли на дороге остатки суперлубликанта. Учти, только

остатки, хотя не было ни дождя, ни снега. А заодно взяли показания у участников аварии, кто смог дать показания, и у свидетелей. Так вот, все в один голос говорят, что на сухой, вроде бы, дороге, где только что прошли одни машины, другие вдруг попали на полосу страшного гололеда. Такого страшного, что передвигаться по нему можно было только на четвереньках, и то осторожно, потому что все равно люди съезжали под уклон, и даже голая ладонь по асфальту скользила. Но длилось это всего в продолжение пяти-восьми минут. Эксперты при этом заверяют, что современные суперлубликаты при отсутствии атмосферных осадков имеют период распада на свежем воздухе не менее часа. В сильную жару или, наоборот, в сильный мороз – около сорока минут. А в этот день сильного мороза не было, жары – тем более. И это значит... – Генерал посмотрел на меня внимательно поверх сползших на нос очков.

– И это значит... – повторил я за ним заинтересованно.

– ... Что мы имеем дело с каким-то новым видом суперлубликата. Возможно, в обычный специально добавляются какие-то эфирные вещества, ускоряющие испарение. Так предположили наши специалисты. Примерно та же история наблюдалась на американском авианосце. Там тоже время исчезновения трения было ограничено примерно таким же периодом. И у нас на дороге то же самое. Отсюда мы можем сделать вывод, что имеем дело с одним и тем же веществом, вернее, с одним и тем же производителем суперлубликата. И пока отпадают только две страны-производителя – Россия и Япония. В России не делают таких препаратов кратковременного действия. У нас суперлубликаты разрабатываются только как, условно говоря, оружие несмертельного действия. Следовательно, нам важна длительность, а не скоротечность. В Японии же осваивают промышленное применение суперлубликата. Японцы идут тем же путем и вкладывают большие средства в то, чтобы разработать добавки, обеспечивающие долговременное исчезновение трения. Это важно для применения препарата в механизмах. Что делается в остальных странах, владеющих технологией производства, нам пока не известно.

Я в недоумении пожал плечами.

– А если, товарищ генерал, предположить такой вариант, что какая-то страна, не сумев изготовить долговременный препарат, использует или просто испытывает то единственное, что сумела сделать? При этом собственных испытаний в боевой обстановке провести не может и поставляет препарат туда, где можно обеспечить его применение.

– Не знаю. Этот вопрос следует задать специалистам. Но наши эксперты утверждают, что на Минском шоссе суперлубликаты имели какие-то добавки, ускоряющие процесс распада составляющих. Но они эксперты общего профиля, а не узкого. А спрашивать следует как раз у узких специалистов. Я не очень понимаю суть твоих сомнений.

– Ведь это, товарищ генерал, дорогостоящий процесс, специальная разработка. Кто-то должен вкладывать средства в изыскания, в производство. А смысл в чем? Я вот лично не вижу смысла в применении такого суперлубликата в военной обстановке. Если препарат предназначен для боевого применения, то выгоднее как раз обратный процесс.

– Да-а-а... У тебя, случаем, ученого звания в карманах «разгрузки» не завалилось, Тридцать Первый? – почесав гладко выбритый подбородок, сердито спросил генерал. – Прямо-таки аналитический склад ума... Вот через час-другой ученая бригада приедет, им вопросы и задавай. А я не знаю этих вещей. И знать не обязан. А обязан я знать, что суперлубликаты уже и в Москве опробовали. Причем опробовали откровенные уголовники, налетчики, чтобы уйти от погони. И теперь перед нами стоит задача определиться, с кем мы имеем дело здесь, на Северном Кавказе: с уголовниками или с противниками политического режима. В любом случае, нам предстоит их найти. Это и есть наша с тобой работа. А твоя мысль относительно производителя, поставляющего препарат в районы «горячих точек», достаточно интересна, и ее стоит обдумать. Но пока я такой информацией не обладаю, хотя предположить так могу. Будем искать. Мне больше нечего сказать. Ты свободен. Обдумай, что мы можем выудить из новых данных.

Я чуть ли не с радостью расстался с неустойчивым стулом...

* * *

Вернувшись на базу, я опять не сразу отправился в ангар, хотя очень хотелось самому проконтролировать сборку мотодельтаплана, а опять засел за компьютер, вышел в Интернет и стал искать всю возможную информацию по большой аварии на Минском шоссе. Естественно, такое событие не могло ограничиться одним сообщением в телевизионных новостях. Так оно и было, хотя я и новости в записи тоже посмотрел. И удивился проницательности и чутью генерала, потому что сам я из этого сюжета ничего бы не понял и едва ли связал бы события на Минском шоссе с событиями на Северном Кавказе. Ну, подумаешь, одни машины преодолели покрытый гололедом участок дороги, другие не преодолели... А где одна машина бьется, там и другие за компанию. Так часто случается. Но генерал, что называется, прочухал ситуацию, позвонил – и оказался прав. Трудно ему отказать в умении видеть то, что не сказано в открытую.

Изучив по различным источникам то, что можно было изучить, нового я не нашел и стал интересоваться другим событием – ограблением ювелирного магазина. Там оказалось еще меньше интересных фактов. Это и понятно. Следствие не любит раскрывать подробности раньше времени. А когда оно будет закончено – если будет, – то подробностей будет больше, чем нужно. Привычная картина. Но мне все это информации не несло. Единственное, о чем стоило задуматься, это уже определенное генералом: «с кем мы имеем дело – с уголовниками или с политическими оппонентами». В данном случае религиозные оппоненты тоже относятся к числу политических, поскольку удовлетворение их желаний не может осуществиться при существующей политической системе, несмотря на высокую веротерпимость в нашем государстве.

Выглянув в окно, я не увидел никого из своих офицеров, занятых в ангаре, а сам вход в бывший производственный корпус, который я и переименовал в ангар, скрывал от меня угол нашего здания. Я, снова оттягивая минуту, когда смогу потрогать «крыло» и корпус машины, на которой мне предстоит летать, вставил в компьютер генеральский диск и снова задумался над картой. Сейчас мне уже не требовалось прилагать усилия воли, чтобы сосредоточиться. Просматривая файлы Интернета на интересующую меня тему, я уже настроился на рабочий лад.

Карта позволяла примерно прикинуть район, над которым появлялся дельтаплан, и очертить границы собственного поиска. А определив район, я уже знал, что именно запрашивать в местном метеобюро. Меня в основном интересовали сила и направление ветра, наличие и интенсивность осадков на все ближайшие дни. Конечно, можно было бы опять ориентироваться по Интернету, но я знал, что этот прогноз, так сказать, бытового характера, не всегда соответствует действительности, и, если приходят какие-то оперативные поправки, то на сайте они далеко не всегда отображаются. Поэтому я позвонил генералу, дал координаты интересующего меня района и попросил от лица его конторы сделать официальный запрос выдавать на адрес моей электронной почты максимально точный и полный прогноз погоды. Это было необходимое для полетов условие. Легкие летательные аппараты всегда больше подвержены внешним влияниям, чем более основательные и тяжелые. Генерал пообещал написать запрос сейчас же. С этим вопросом было покончено. Но мне, как человеку летавшему, все же было бы интересно определить самые вероятные места, откуда дельтаплан может взлететь и где он может приземлиться. И я попытался найти такие места по карте. И не сразу понял, что затея моя, мягко говоря, не совсем умна, если не сказать грубее. Я определил только места, где дельтаплан точно не сможет совершить посадку, если сам пилот желает остаться в живых. Это было примерно сорок процентов всего района поиска. Вот взлететь там было возможно. Но взлет

и приземление должны были совершаться, скорее всего, в близком районе. Однако отметание сорока процентов территории тоже чего-то стоило и значительно сужало направление поиска. Значит, я просидел за картой не зря. Остальные же места следовало рассматривать вживую, сверху, во время собственного полета. Это позволит еще более сузить район предполагаемого поиска...

* * *

Сидя к окну вполборота, я контролировал все то, что происходит по ту сторону стекла. Это уже было в крови, иначе себя вести я уже не умел, и даже дома я никогда не садился спиной к окну, чтобы иметь возможность видеть все. И сейчас я издали заметил за окном движение. Посмотрев, увидел старшего лейтенанта Мальцева, что шел явно ко мне. Должно быть, возвращение нашего «КамАЗа» не осталось незамеченным. А при всех работах, которые требуют физического напряжения, майор Желобков обычно использует старшего лейтенанта Мальцева и второго снайпера лейтенанта Свистинова в качестве посыльных, поскольку другие заняты физическим трудом и не имеют законных оснований от него отлынивать. Я сразу предположил, что при сборке возникли проблемы, и мой заместитель требует меня «на выход» для проведения консультации. И потому заранее, еще до того, как старший лейтенант вошел в дверь, я надел бушлат и вышел ему навстречу.

– Товарищ подполковник, майор Желобков говорит, что не знает, как крепить фюзеляж. Там гнезда для болтов не подходят. Предполагает, что на заводе что-то напутали и прислали не то.

– Не может такого быть, чтобы гнезда не подходили. Руки у наших офицеров не из того места растут, вот и не подходят, – решил я и быстро двинулся в сторону ангара, оставив Мальцева за спиной. Пусть догоняет...

Глава вторая

1

Естественно предположить, да простят меня филологи, что делать из офицеров спецназа монтажников неестественно. Это против природы. Это все равно, что из тех же офицеров, квалифицированных диверсантов, попытаться сделать охранников. Кто-то, правда, берет спецназовцев на высокие должности в охране, предполагая, что знание методов нападения и диверсии может помочь от нападения уберечься. Глупости это. Охранник по природе своей иной человек. И монтажник тоже, при всем моем уважении к ним. Как монтажник не станет спецназовцем по приказу, так и наоборот. Тем более что монтировать пришлось то, что мои офицеры в глаза никогда не видели, а если и видели, то только задрав голову, когда такая техника пролетала над ними. Но она не каждый день и не в каждом месте летает...

Грузовик, что привез в наше распоряжение мотодельтаплан, уже отправился восвояси, и ворота оставались распахнутыми. Рядом со стойкой ворот возилось несколько человек в синих комбинезонах, каких в моей группе ни у кого не было. Летели искры от работающей «болгарки», протягивались кабели электросварки от стоящего в тракторном прицепе еще не заведенного пока генератора. Видимо, майор Желобков проявил инициативу и пригласил ремонтников из соседнего гаража комендатуры.

Я подошел ближе и оценил работу.

С двух сторон ворота в производственный корпус ограничивались сложенными из силикатного кирпича колоннами. По всем четырем углам колонны были укреплены мощными металлическими уголками. Но в середине и уголки, и сама колонна были прорезаны на глубину кирпича, и теперь рабочие делали металлическую обвязку, чтобы снова укрепить колонну.

Майор Желобков вышел мне навстречу и с ходу начал объяснять:

– Я все измерил. Высота «крыла» – три метра семьдесят сантиметров. В ворота проходит нормально, запас остается больше метра. А вот размах – десять метров двадцать сантиметров. Не строить же из-за этого отдельный ангар!

– Правильно, – усмехнулся я. – Ты решил подрезать крылья, чтобы проходили?

– Можно было бы и крылья, – вполне серьезно ответил Вадим Александрович, – но я побоялся нарушить жесткость конструкции и предпочел прорезать с двух сторон колонны. Не хватает всего по паре сантиметров с каждой стороны. Мы прорезали по десять. Надо только выкатываться аккуратно, и все будет нормально.

– Выкатывать на руках, – строго предупредил я. – Тем более ты «тележку», говорят, привинтить не можешь. А то «тележка» уедет, а «крыло» останется.

– Да, на руках выкатывать и будем, – согласился майор. – А что с «тележкой» делать, ума не приложу. Может, пока сварка рядом, просто приварить?

Я вошел в ангар, чтобы посмотреть, какая проблема возникла. И чуть не рассмеялся. Покачал головой.

– Ну, вы, специалисты-монтажники, молодцы!

– Что-то не так? – спросил Желобков настороженно.

– Как вы умудрились сиденья так поставить?

– А мы их не ставили. Они уже так стояли.

Я подошел к «тележке», без усилий вытащил переднее сиденье – оно не было закреплено – и перевернул его, сделав задним. Потом точно так же переставил заднее сиденье, сделав передним и более низким в сравнении со вторым.

– Теперь переверните «тележку». Винт у дельталета сзади. И сиденья закрепите. А то я вместе с пассажиром вывалиться могу. Где инструкции?

Мальцев показал на раскрытый металлический шкаф, где на полке была развернута инструкция по сборке. Но я взял не ее, а только инструкцию по эксплуатации.

– Продолжайте. После обеда опробуем; может быть, кого-нибудь покатаю. Потому объедаться никому не рекомендую.

И вместе с инструкцией я пошел в свою штабную комнату.

* * *

Сравнивать мотодельтаплан «Пегас» (производство клуба Московского авиационного института) с той машиной, которую я когда-то собирал своими руками, было просто невозможно. Это совершенно другой уровень техники, на которой мне летать пока еще не приходилось. У меня стоял слабенький мотоциклетный двигатель мощностью в шестнадцать лошадиных сил. Здесь же красовался двигатель Rotax мощностью в шестьдесят четыре силы. Даже будучи на земле, я уже представлял, какое удовольствие можно получить от полета на такой машине. А крейсерской скорости в семьдесят пять километров в час мне для разведывательного полета хватило бы с избытком. Я свой мотодельтаплан собирал даже без чертежей, пользуясь подсказками тех, кто уже прошел через это, а также собственным наитием и небольшим запасом знаний. Здесь же все делали специалисты, причем, несомненно, влюбленные в свое дело. Это чувствовалось. Теперь осталось только мне влюбиться в новую машину. Но для этого требовалось совершить хотя бы пробный полет.

Я долго изучал инструкцию, прочитав ее несколько раз. За этим делом и застала меня группа, завершившая работу и вернувшаяся в штаб, совмещенный у нас с казармой. В наше распоряжение была отведена половина этажа бывшего административного корпуса. За перегородкой располагалась какая-то служба комендатуры и казарма комендантского взвода. Но мы друг друга не касались, поскольку имели собственный вход и выход. Только столовой пользовались общей, расположенной на втором этаже. Туда, наверное, моя группа и нацеливалась, и я не мог возражать против этого, только спросил взглядом майора Желобкова.

– Завершили, – подтвердил Вадим Александрович мои надежды. – Собрали полностью, и все гнезда совпали. Даже у кресел. Сейчас рабочие завершат расширение ворот, и можно будет пробовать. Не забыть бы бензин залить... Какой бензин, кстати?

– По инструкции, октановое число от девяноста одного до девяноста пяти.

– Как на приличных иномарках... Мальцев уже бегал куда-то, договаривался. Обещали канистру налить, за наличные. Он заплатил.

– Добро. Но одной канистры мало. Нужно хотя бы полста литров. Придется ехать на заправку. Пока идите на обед, после обеда буду ставить задачу. К дельталету вернемся потом, чтобы все понимали, к чему нам прислали такую игрушку.

– А ты? Ты же и не завтракал.

Мне хотелось было ответить старой шуткой, что я сижу сразу на трех диетах, а на встречный законный вопрос, почему на трех, ответить, что с одной я не наедаюсь. Но голод в самом деле чувствовался, и потому я пообещал:

– Сейчас догоню. Инструкцию только дочитаю.

Майор вместе с группой ушел. Я посмотрел за окно. В действительности инструкцию я уже дочитал и даже перечитал, но ждал, что вот-вот появятся обещанные две машины со специалистами. Все-таки какую-то информацию от них я хотел бы получить еще до того, как начать разговор с группой. Но специалисты, видимо, не спешили по скользкой дороге. Ладно, пусть лучше опоздают, но доедут до места назначения, посчитал я и отправился вслед за группой в столовую.

* * *

Офицеры у меня в группе опытные, сработались мы давно, и потому вопросов не возникло. Все понимали, что я, сам не обладая полнотой знаний по существу происшествия, выложил все, что имел, и сказать что-то подробнее не могу. Это явление обычное и привычное. Если бы я знал все, тогда и смысла не было бы вести поиск. Хватило бы простой войсковой операции, которую могут поручить не военной разведке, а тому же спецназу внутренних войск, что базируется рядом с нами, на одной территории, но в другом административном корпусе бывшего завода. Нас задействуют тогда, когда требуется именно тщательная разведка и поиск.

– Значит, будем летать? – спросил капитан Волоколамов, которого все в группе звали обычно просто Никифорыч. Отчество не слишком частое, и потому хорошо запоминающееся.

– Будем, – подтвердил я. – Будем вести поиск с воздуха. По крайней мере, там не скользко, хотя возможность угодить в пропасть тоже есть.

– Я одно время начинал этим делом баловаться, – сообщил Никифорыч. – Правда, на простом дельтаплане. На мото не доводилось. Потом, в связи с переводом в спецназ, забросил.

Никифоровича перевели к нам из десантуры после совместной операции. Понравился он нашему командованию, вот и выпросили офицера. Тогда он лейтенантом был. Ко мне в группу попал уже старшим лейтенантом. И потому о его пилотском прошлом я не знал.

– А я только на дельталете, – признался я. – На обычном только пробовал, но, по сути, всерьез не летал. Будем обмениваться навыками. Принимаю официально на должность второго пилота. Мальцев!

– Я, товарищ подполковник, – снайпер встал.

– Что с бензином?

– Дадут полную канистру. Десять литров.

– Нужно еще сорок. А лучше целую бочку. Стандартную, двухсотлитровую. Сходи в комендатуру. Хотя бы пустую бочку выпроси. А то мы слишком часто будем на «заправку» гонять.

– Понял. Есть сходить в комендатуру, – старлей опять показал свои гусарские навыки и вышел. Я проводил его взглядом через оконное стекло. Мальцев торопился. А я тянул время, надеясь, что бригада специалистов вот-вот появится.

– Диск в компьютере. Рекомендую всем ознакомиться с картой и с данными на диске. Я пока оценю ваши монтажные способности, посмотрю машину. Волоколамов, за мной!

Я встал из-за стола, уступая место Желобкову.

* * *

Я всегда считал Мишу Волоколамова исключительным специалистом по быстрому бегу. Если требовалось быстро куда-то переместиться, даже в разгар боя, с Никифорычем никто сравниться не мог. Бегал он, грубо говоря, как пуля летает. Это и не удивительно, потому что он был единственным в группе мастером спорта по легкой атлетике. Спортсмены еще имелись – и майор Желобков, мастер спорта по боксу, и капитан Поповский, мастер спорта по лыжам, и майор Казиюнов, мастер спорта по автомобильным раллийным гонкам, но они с Волоколамовым в беге соревноваться не могли. А он, оказывается, еще и на дельтаплане летал... Пусть и на начальном уровне, тем не менее, это уже давало мне надежду обрести дублера, способного заменить в случае необходимости «первого пилота».

Ворота ангара оставались все так же распахнутыми, хотя бригада рабочих комендатуры уже сворачивала свое оборудование и укладывала его на тракторную тележку. Где-то в стороне уже трещал двигателем трактор. Мы с капитаном остановились у ворот, осматривая выполнен-

ную работу. Подошел один из рабочих, видимо, бригадир и, судя по манере поведения, человек гражданский, вольнонаемный.

– Что смотришь, подполковник? Все сделали, как надо. И колонна держится, и крылья твои пройдут. С запасом прорезали. Правда, у нас на «болгарке» диски только по металлу, они камень плохо режут. Но ничего, справились.

– Проверим, как справились... Замеры кто производил?

– Ваш майор. Он нам все дал.

– Тогда ошибки быть не может. Желобков никогда не ошибается. Ладно, спасибо.

Я пожал бригадиру руку.

– А летать кто будет? – спросил тот на прощание.

– Мы с капитаном.

– Возьмите как-нибудь покатайся. Ни разу на такой штуке не летал.

– А если в тебя снизу стрелять будут, не напугаешься? – спросил Волоколамов.

– Могут и стрелять? – поинтересовался бригадир.

– Более того, обязательно будут.

– Тогда лучше без меня. Да и вам не позавидую. Защиты практически никакой. Если грузоподъемность позволяет, поставьте что-нибудь.

Мы с Волоколамовым переглянулись. Бригадир подсказал дельную мысль.

– Где только броню взять? – почесал я подбородок.

– У нас только простая сталь, – сказал бригадир. – Если что-то найдете, зовите, мы поможем закрепить. Инструмент у нас есть. Удачи!

Он развернулся и уже сделал шаг в сторону приближающегося трактора, когда Никифорович вовремя сообразил:

– А бронезилетами обшить сможешь?

Мы недавно забрали четыре бронезилета после уничтожения банды в жилом доме поселка. Броники класса «антикалашников»³ вполне пригодны для наших целей. Группе они были ни к чему, потому что каждый боец имел собственный, причем не пятого, а класса б-а, то есть на два уровня более надежный. В комендантские службы такие бронезилеты, кажется, еще не попали, но спецназ ГРУ ими уже оснастили. Кто-то, между прочим, оснастил и бандитов, потому что нам уже доводилось снимать такие бронезилеты и с убитых бандитов тоже. И даже доводилось находить вставные композитные керамические усиливающие элементы для таких «пиджачков». Но наши броники, особенно вместе с усиливающими элементами, в сравнении с пятым классом очень тяжелые и носятся обычно только в период непосредственных боевых действий. А утяжелять мотодельтаплан нам было ни к чему. И без того мой вес составляет около ста килограммов. Правда, капитан Волоколамов по своей конституции человек сухощавый, хотя и мосластый, но весит килограммов на двадцать меньше. А пятый класс, подумалось мне, вполне сможет обеспечить защиту нашего летательного аппарата.

Бригадир посмотрел поочередно на капитана и на меня.

– Никаких проблем. Будем приваривать?

– Ты умеешь сваривать керамику? – с наигранным удивлением спросил я.

– Керамика... А как крепить?

– Бронезилеты целиком. Наверное, к фюзеляжу, саморезами или болтами. И к сиденьям снизу. В дополнение. Если есть алюминиевый лист...

– Есть пищевой алюминий, листовой. Разбирали печи в гарнизонной пекарне, я и прибрал. Толщина – миллиметр.

---

³ Армейские бронезилеты пятого класса, непробиваемые даже при выстреле из автомата «АК-47» (калибр 7,62 мм) пуль ПС со стальным термоупрочненным сердечником (средняя скорость полета пули 725 м/с) и винтовочной пулей того же калибра со стальным сердечником, выпущенной из снайперской винтовки Драгунова (средняя скорость полета пули 830 м/с).

– Годится. Можно слегка нарастить борта – и тоже прикрыть бронежилетом. Но не слишком высоко, чтобы забираться и выбираться можно было без проблем. Сами листы можно посадить на заклепки.

– Понятно. И двигатель тоже защищать. Усиленно?

– Нормально. Усиленно не нужно. Попадет в двигатель пуля – отлетит. А если что-то повредит, мы можем планировать.

– Оплата труда – наличными.

– Годится, – согласился я. – Капитан, доставь бронежилеты, а мы пока посмотрим, как их можно пристроить...

* * *

Видимо, не желая делить деньги на всех, бригадир взял с собой только одного помощника. Да, говоря по правде, здесь всей бригаде из пяти человек, по большому счету, и делать было нечего. Только мешались бы один другому. Я перед началом работы дал указания, вопреки изначальному желанию бригадира установить большие керамические усиливающие пластины снизу, переместить их слегка вбок. Во-первых, вероятность того, что стрелять в нас будут вертикально, мала. Это еще суметь надо так пролететь над противником, чтобы самому ничего не увидеть, но брюхом своим проблистать. Во-вторых, снизу нас будут прикрывать бронежилеты, установленные под сиденьями, и этого будет, скорее всего, достаточно, чтобы не хвастаться впоследствии ранением, какое получил в Афгане некий известный мне генерал. Объяснять свой выбор капитану Волоколамову мне не пришлось. Он сам все понял и не возразил. Только держал бронежилет, когда бригадир размечал места сверления.

Подобное утяжеление «тележки» на грузоподъемности мотодельтаплана сказаться было не должно. И мне не требовалось срочно и резко сбрасывать лишние килограммы своего веса, как это делают спортсмены-единоборцы перед соревнованиями. Мне проще было оставаться природным тяжеловесом, которому сгонять лишние килограммы требуется только во время тренировок, а не за счет ограничения в чем-то.

Работа была еще не закончена, когда Мальцев приехал на бензовозе и привез закрепленную между кабиной и цистерной двухсотлитровую бочку. Вдвоем со старлеем мы сняли ее и установили на стол, называвшийся когда-то слесарным верстаком. Этот верстак мы притащили из глубины ангара, где он стоял рядом с другими своими собратьями. Когда-то там был, видимо, слесарный участок, имеющий свой административный штат. И там, где этот штат располагался, сейчас солдаты комендантского взвода готовили комнаты для проживания научной бригады.

Бензин переливали через воронку небольшими порциями, потому что выпускной шланг бензовоза был слишком велик для существующего отверстия. И если вовремя не останавливали качающий насос бензовоза, то бензин переливался через край воронки. Таким образом, мы со старшим лейтенантом трижды промочили рукава до локтя, но бочку залили полностью. Я шепотом спросил Мальцева, во сколько это нам обойдется, на что Серёня емко ответил:

– Комендант получил приказ содействовать нам и удовлетворять все наши запросы.

– От кого приказ?

– Понятия не имею, товарищ подполковник. Сказал, что имеет приказ, и все...

Вот бы всегда и во всем так было! А то, как правило, когда мы прибываем в командировку на необжитое место, то тратим на обустройство целую пару дней. А тут со всех сторон помогают...

Меня такое положение вещей вполне устраивало, но отказываться от обещания оплатить труд бригадиру я не собирался. Впрочем, много он запросить не должен был, потому что работа была несложная и недолгая.

Наконец, долгожданная научная бригада. Я оставил капитана Волоколамова проследить за окончанием работ и расплатиться, а сам пошел встречать на КПП, потому что бригаду, прибывшую в мое распоряжение, без меня на территорию не пропускали. Пока я знакомился с руководителем, моложавым, но абсолютно седым человеком, которого звали Владимир Андреевич Кочергин, пока выписывал пропуск на машины, пока на малой скорости, соответствующей движению по территории, доехали до ангара, бригадир вместе со своим помощником уже собрали инструменты и ушли. Наш мотодельтаплан «Пегас», можно сказать, бил копытом, ожидая полета. Но изящества настоящего Пегаса он не приобрел, поскольку оброс броней, как полкан⁴, что, на мой взгляд, слегка снижало его аэродинамические характеристики, но делало полет достаточно безопасным. Более того, броня превратила мотодельтаплан почти в боевую машину.

Нашего «Пегаса», ставшего «Полканом», пришлось откатить от ворот, где его собирали, в сторону, чтобы микроавтобус и грузовик с «кунгом» заехали в ангар. Сама надпись «Пегас» на фюзеляже мне не слишком нравилась, и я попросил старшего лейтенанта Мальцева:

– У тебя рука никогда не дрожит; значит, тебе и быть художником. Закрась это название, – ткнул я пальцем, – и напиши «Полкан». Желательно сделать стилизацию под какой-нибудь древнеславянский шрифт. Можешь шрифты в компьютере посмотреть, там есть что-то подходящее.

– Понял, сделаю. – Серёня всегда был легким на подъем...

2

– Это и есть тот самый дельтаплан, с которого суперлубликаны распрыскивали? – спросил Владимир Андреевич, похлопав по фюзеляжу ладонью и показывая, что с материалами происхождения он ознакомлен.

– Там был дельтаплан... – сказал я.

– А это?

– А это мотодельтаплан. Машина предназначена для охоты на дельтаплан бандитов и из спортивной машины превращена в боевую. Вот, подумываю, куда крепить турель для пулемета. Впрочем, я из автомата стреляю лучше, чем из пулемета...

– Да, я слышал, что вас зовут Тридцать Один Выстрел В Минуту.

– Иногда зовут просто Тридцать Первым, это короче и удобнее. Пойдемте, я покажу вам помещение, где вы будете располагаться. Потом уже, когда устроитесь, приступим к делам. Вас устроит проживание в этом здании? И машины под боком, и рядом с нами.

– Мы можем вообще в машинах устроиться. Привыкли уже. Не стоило беспокоиться, – проявил Кочергин свою интеллигентность.

– Я и не беспокоился. Все сделано по приказу коменданта.

Солдаты закончили подготовку помещения пять минут назад, и я видел, как они выходили, когда подъезжал на машине научной бригады к ангару. Найти жилые комнаты труда не составило. Комнат было четыре: три одноместные, одна на двоих. В дверях торчали ключи.

– Вот здесь располагайтесь. Четыре комнаты. Вам должно хватить.

– Хватит. Нас трое и два водителя.

– Я подойду через двадцать минут. Успеете устроиться?

– Нам и пяти минут хватит.

– Тогда буду ждать вас в ангаре, около дельталета.

---

⁴ Полкан – в мифологии древних славян полуконь-получеловек, аналог древнегреческого кентавра; но в отличие от кентавров они носили на теле доспехи. Согласно сказаниям, полканы служили загонщиками на охоте Свентовита на диких туров и одновременно являлись воинами войск славянского бога.

Я сам не люблю, когда кто-то наблюдает, как я застилаю себе постель, и потому никогда не мешаю другим делать свои дела в одиночестве. Я вернулся к мотодельтаплану, чтобы понаблюдать, как Серёня Мальцев справится со своей задачей. Тот, однако, переложил ее на коллегу, второго снайпера группы лейтенанта Свистинова. И правильно сделал, потому что Слава в дополнение к своему таланту снайпера обладал еще и даром художника. Ему бы еще и «физику» добавить, вообще был бы в группе незаменимым бойцом-оформителем. Я много раз высказывал лейтенанту претензии относительно физической подготовки. Он обещал работать – и правда, работал. По крайней мере, к нам в группу сразу после окончания школы снайперов он пришел иным человеком и вызывал много сомнений. Сейчас, по крайней мере, он никогда не отставал на марше от усталости. Правда, он и раньше не отставал – характер не позволял – и терпеть умел. Но изматывался до предела. Сейчас уже даже после прохождения самого сложного профиля дышит вполне сносно и готов по команде продолжать марш.

Свистинов уже выводил предпоследнюю букву, когда мне позвонили на мобильник. Я вытащил трубку и посмотрел на определитель, который показывал номер оперативного отдела антитеррористического комитета.

– Подполковник Апостолов. Слушаю...

– Тридцать Первый, ты?

– Я. Слушаю...

– Это полковник Вохминцев.

– Да, Аркадий Дмитриевич, я узнал.

– У тебя группа в сборе?

– Конечно.

– Объявляй «боевую». Требуются твои орлы...

– А что случилось?

– Местные менты блокировали в частном доме троих бандитов. Пригородный поселок. Отстреливаются, сдаваться отказались. Внутривойсковики у нас в отдаленный район переброшены, а менты своими силами не справятся. Комендатура тебе бронетехнику выделит. Так что включайся. Получен приказ ликвидировать.

– Мою группу, Аркадий Дмитриевич, в другой операции задействовали. Я сейчас провожу подготовительные мероприятия.

– Я в курсе. Но без тебя никак. Внутривойсковики могут вернуться только часа через четыре, через пять. Хотя бы запереть их там, чтобы не ушли через жилой квартал. Менты могут не удержать. А пока бандиты в подвале сидят. В патронах недостатка, кажется, не имеют. Отстреливаются из автоматов и пулемета через вентиляционные бойницы... тьфу ты, вентиляционные окна. Автоматы с «подствольниками». У ментов уже потери. Троих гранатой накрыли, одного пульей достали. Да и мало их, чтобы полностью перекрыть все пути отхода.

– Товарищ полковник, без приказа генерала я не могу ввязаться в это дело. Поговорите с ним. А что за бандиты? Известно хоть, кто?

– Нет. Их успели заснять на видео, но все в масках «ночь». Опознать невозможно.

– Маски «ночь», говоришь?.. – оживился я. Это мог быть след. – Обязательно скажи это генералу. Маски «ночь» использовались в банде, которую мы разыскиваем. Но тогда этих бандитов необходимо брать живыми. Обязательно сходи к генералу. Пусть он мне позвонит. А я пока поднимаю группу.

– Добро. Жди звонка. Если генерал не согласится, я сам позвоню и дам тебе «отбой».

Я убрал трубку. Лейтенант Свистинов написал только половину конечной буквы «н», но не дописал, выпрямился и теперь смотрел на меня. Старший лейтенант Мальцев тоже внимательно слушал разговор и уже приготовился бежать, чтобы поднять группу по боевой тревоге.

– Поднимай ребят, – отдал я естественную команду. – Слава, допиши букву, потом побежишь. Я все равно звонка жду.

– Что-то случилось? – спросил, неслышно выйдя из-за своего микроавтобуса, Владимир Андреевич.

– Боевая тревога. Бандитов в частном доме менты блокировали. Сами, как обычно, не справляются. А это, может быть, наши клиенты. Боюсь, перебьют их, и вопрос задать будет некому. Только вот как их живыми взять – это вопрос сложный. В последнее время живыми их вообще не берут. Никто рисковать не хочет.

– Живыми взять? – переспросил Кочергин. – Надо же! Как по заказу. Живым взять... А с этим мы можем помочь. Наши разработки. Привезли сюда специально на испытания. По просьбе, кстати, вашего генерала.

– Он не наш генерал. Он – ФСБ, а мы – армия. Разница между нами большая, хотя он нами в настоящий момент и командует.

– Это не важно.

– А что за разработки?

– Алексей! – позвал Кочергин.

Из микроавтобуса, который имел двери в салон с двух сторон, выбрался еще один специалист, довольно молодой, но в очках и потому показавшийся достаточно умным, чтобы ему можно было доверять. Вопросительно поднял голову.

– Приготовь контейнер с раствором.

– Выезжаем, Владимир Андреевич?

– Если нас возьмут, выезжаем.

– Понял. Готовлю смесь. Зарядить недолго.

– Что у вас там за штука такая? – спросил я недоверчиво.

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Что такое суперлубликант, вы уже знаете? Так вот, у нас все – супер. Сегодня мы предлагаем опробовать суперрасширитель «Кандалы». Это мы его так условно называем. У препарата есть свое действительное название, но оно длинное и не запоминаемое несведущим человеком. Научные термины всегда излишне емкие и посторонним непонятные.

– Согласен. На мой вкус, и суперлубликанту хорошо бы какое-то собственное имя дать. Мне это название все равно ничего не говорит, а запомнить трудно. Легче десять телефонных номеров в памяти удержать, чем такое название.

– Это международный термин. Но мы подумаем над названием нашего аналога.

Я и сам хотел было подумать, чтобы предложить нечто звучное, но помешал телефонный звонок. Определитель показал, что звонит генерал. Значит, вопрос решился положительно.

– Подполковник Апостолов. Слушаю вас, товарищ генерал.

– Тридцать Первый, тебе Вохминцев уже звонил? – Генерал говорил торопливо, словно бегом бежал и меня хотел заставить побежать синхронно с ним.

– Так точно. Мы уже готовимся. Ждали только вашего распоряжения, – не поддержал я генеральского темпа, предпочитая говорить, как всегда говорил. Впрочем, я и на бегу говорю спокойно, поскольку легкие позволяют разговаривать и при этом не задыхаться.

– Ты понял, что там люди в масках «ночь»? – В голосе генерала слышалось даже торжество. Он, кажется, уже однозначно решил, что мы вышли на правильный путь.

– Именно это меня и заинтересовало, товарищ генерал.

Мне очень захотелось громко зевнуть в трубку, и я с трудом сдержал этот мальчишеский порыв, который генерал принял бы за передразнивание его тона.

– Отправляйся. Бандитов брать живьем. И смотри, чтобы менты там не перестарались.

Как менты здесь, на Северном Кавказе, умеют это делать, генерал даже в Москве, наверное, слышал. Я же сталкивался с этим уже не раз и уверен, что бандитов, если мы их захватим, еще, возможно, придется защищать от ментов. По крайней мере, в моей практике такие случаи были. И потому я собрался предупредить своих бойцов, чтобы посматривали за ментами.

У тех иногда оружие само по себе стрелять начинает. А если будет возможность, я вообще постараюсь загодя удалить ментов с места захвата. Как напугать их, я найду.

– Товарищ генерал, к нам специалисты прибыли. Уже обустроились и предлагают свою помощь в захвате пленников. У них есть какой-то препарат...

– Привезли «Кандалы»? Бери специалистов с собой. Пусть они все на камеру снимают. Лазеры пусть не забудут. Да они сами знают, что потребуется...

Не убрав еще трубку от уха, я кивнул Кочергину. Владимир Андреевич сразу двинулся к своему микроавтобусу, в который что-то перегружал из «кунга» Алексей...

* * *

Комендатура выделила нам бронетранспортер и боевую машину пехоты, в которых моя группа вполне комфортно разместилась и даже сумела потесниться, чтобы найти место для Владимира Андреевича и Алексея. Они намеревались было ехать на своем микроавтобусе, но я предупредил, что небронированной машине там делать совершенно нечего. Если микроавтобус не жалко, то, пожалуйста, могут ехать и на нем. Но там его просто расстреляют и, возможно, попытаются захватить, чтобы прорваться на транспорте за городскую черту. Это прозвучало убедительно, хотя право выбора я оставил за специалистами. Впрочем, груза у них было немного: рюкзак, похожий на акваланг с тремя объемными баллонами, обыкновенная бытовая бензопила «Хускварна» и два странных приспособления, похожих на крупнокалиберные ручные пулеметы, если даже не на гранатометы. Внешне это выглядело громоздко, но при близком рассмотрении оказалось, что эти предметы сделаны из пластмассы и потому не слишком тяжелы. Как я понял, раз здесь пластмасса, то эти то ли пулеметы, то ли гранатометы стрелять не должны, иначе просто развалятся после первого же выстрела. Любопытный старший лейтенант Мальцев не удержался и прокричал Кочергину в дребезжащем бронетранспортере:

– Командир! Это что за штуки такие?

Владимир Андреевич уважительно глянул на оптический прицел снайперской винтовки старлея, потом на саму винтовку. Винтовка «СВ-8» тоже была экспериментальная, сделанная в Туле под непривычный для нашей армии патрон Lapua Magnum калибра 8,6 миллиметров. Во всем мире этот патрон считается самым распространенным боеприпасом для снайперских винтовок. В России же его как-то долго обходили стороной, хотя существовала ниша между устаревшей СВД калибра 7,62 миллиметра и мощной дальнобойной винтовкой ОСВ-96 калибра 12,7 миллиметра, призванной решать специфические задачи. Привычный в спецназе «Винторез» калибра 9 миллиметров как-то не прижился в войсках, да и вооружать простые войска специфической винтовкой, имеющей встроенный глушитель, считается лишним. Правда, «СВ-8» тоже имеет глушитель, но он должен идти в комплекте только для сил специального назначения. Мальцев прицел еще не установил, но винтовка все равно привлекала внимание своим суперсовременным и слегка не привычным постороннему глазу видом. И ничего удивительного в том, что Кочергин ее оценил, не было. Ее даже военные спецы, которые с такой не встречались, рассматривают с любопытством.

– Вы снайпер, старший лейтенант?

– Снайпер.

– Значит, вам и опробовать наше оружие. Именно в боевых условиях, потому что в стационарных условиях оно опробовано и зарекомендовало себя, по показаниям приборов, прекрасно. Осталось только подтвердить эти показания практикой. Боевой...

– Согласен. Только хотелось бы знать, что это такое. Я недавно видел, как на крупнокалиберный пулемет поставили оптический прицел. Бандиты поставили. Зачем, я не понимаю.

– Лазерное ружье. Ослепляет противника и причиняет ему длительный болевой шок. Полностью лишает возможности к сопротивлению. Стрелять прицельно после поражения лазером противник не может в течение пяти-шести часов.

Хорошо, что Кочергин обладал громким голосом. Бронетранспортер гремел ничуть не слабее, чем гремит обычно гусеничная боевая машина пехоты. Но несмотря на громкий голос Владимира Андреевича мне пришлось напрягаться, чтобы все услышать. Впрочем, я сидел в башне и даже вынужден был наклониться, чтобы разобрать слова специалиста научной бригады.

Механик-водитель у нас был местный, и он знал, куда ехать. Мы даже город не покинули, когда оказались в поселке. И мне из башни хорошо было видно, как на улицах стоят группами люди, прислушиваются к чему-то – видимо, к стрельбе – и переговариваются. Потом людей стало меньше, зато попались несколько ментовских патрулей, которые заворачивали вспять машины и людей. Но нас никто не попытался заставить развернуться. Более того, нам указывали дорогу и повороты...

* * *

Блокировкой бандитов командовали пожилой сухощавый омоновец, звание которого разобрать было невозможно, поскольку погоны были прикрыты бронежилетом и «разгрузкой», и обыкновенный ментовский подполковник, у которого погон смялся и теперь высовывался из-под стандартного стального бронежилета. Они встретили нас у угла улицы, где нам предстояло повернуть. Каждый держал в руке по переговорному устройству, обладающему таким хриплым и пропитым «голосом», что требовалась особая система тренировки, чтобы научиться разбирать произнесенные слова. Но омоновец с подполковником, видимо, были людьми опытными и поняли, когда им доложили о нашем приближении. И вышли встретить за два дома от заблокированного. По крайней мере, на такой дистанции можно было разговаривать спокойно, без крика и автоматным очередям не кланяться.

– Подполковник Апостолов, спецназ ГРУ, – представился я, пожимая руку тому и другому.

– Майор Адилов, – в свою очередь представился омоновец.

– Подполковник Зулпукаров, – выполнил необходимую процедуру и мент со смятым погоном, но тут же свой погон и поправил, с трудом затолкав его под тяжелый бронежилет.

– Докладывайте ситуацию.

– Три мужчины и женщина. Попытались въехать в город. При проверке документов в машине расстреляли инспектора дорожной службы. Второй инспектор ответным огнем прострелил колеса машины. Один из бандитов, кажется, легко ранен. По крайней мере, следы крови остались и в машине, и на асфальте. Но бежали все уверенно, легко. Потому мы думаем, что рана легкая. Бандитам пришлось бросить машину. Натянули на головы маски «ночь», пытались пробежать через поселок, но от преследования уйти не смогли. ОМОН сел им «на хвост». Тогда ворвались в дом. Во дворе застрелили собаку и сбили с двери замок. Хозяев в доме не было. Они только недавно вернулись, их соседи вызвали. Просят не стрелять из гранатометов и пулеметов – боятся, что дом повредим или пожар устроим.

– Дом одноэтажный? – спросил я.

– Да, бедненький дом, небольшой. В подвале сапожная мастерская. Раньше у них там дедушка работал, недавно умер. Сейчас никто там не работает. Подвал бетонированный, потому бандиты сразу туда и спустились. Имеются шесть узких и длинных вентиляционных окон, идеально подходящих под бойницы, – по два окна с фасада и сзади, и по одному окну с боков. Через них им не выбраться. Выбраться могут только через первый этаж. Мы блоки-

ровали и входную дверь, и черный ход, и вообще все четыре стороны, потому что они могут попытаться уйти через окна. Но людей не хватает. По два человека с каждой стороны.

– Двоих прижать плотным огнем можно без проблем. Одного человека хватит, – дал я консультацию специалиста. – Остальные подойдут вплотную – и уничтожат. И даже торопиться сильно не будут. Желобков, выводи людей на позицию. Что скажешь, Владимир Андреевич?

Кочергин вместе с Алексеем стоял за моей спиной, и я видел, с каким удивлением местные менты смотрели на этих гражданских участников войсковой операции.

– Нужно на дом посмотреть. Можно это сделать?

– Простите, это кто? – спросил у меня майор Адилов.

– Руководитель научной бригады, – коротко и без подробностей сообщил я. – Будем испытывать новое оборудование.

– Дом этим не повредим? – спросил подполковник Зулпукаров и посмотрел в сторону, где стояли мужчина, женщина и два подростка, один лет пятнадцати, другой лет тринадцати, должно быть, хозяева дома с детьми.

– Дом не повредим? – в свою очередь спросил я Кочергина, повторяя вопрос ментовского подполковника, только, конечно, с другой интонацией.

Он улыбнулся.

– Разве что сильно утеплим подвальное помещение. Правда, какое-то время им нельзя будет пользоваться.

– Я спрошу у хозяев, согласны ли они, – забеспокоился с чего-то ментовский подполковник.

Вообще-то в подобных случаях хозяев никогда не спрашивают, даже если дом расстреливают из танковых пушек. Местные власти потом, как говорят, иногда компенсируют ущерб. Но размер компенсации часто зависит от личных и семейных отношений с местной властью.

Я с некоторым удивлением посмотрел на майора Адилова. Тот понял мой взгляд правильно.

– Это родственники товарища подполковника.

Я включил в нагрудном кармане «разгрузки» портативную радиостанцию «подснежник», обеспечивающую связь внутри группы.

– Я – Тридцать Первый. Геннадий Викторович, как дела?

– Заняли позицию. Ждем команды.

– Снимай ментов, отправляй их к месту сбора. Время близится к вечеру, им спать пора. Положение контролируем собственными силами. Действуй!

– Это как так? По какому праву? – спросил вернувшийся подполковник Зулпукаров.

Я понимаю местных ментов. Чаще, чем кого-то другого, бандиты убивают именно их. Говорят, что заслужили, но сколько правды в этом утверждении, не мне судить. Так, по большому счету, если брать всю Россию целиком, то народ, наверное, имеет право уничтожить большинство ментов. Давно заслужили. Но мы же терпим. И местным бандитам лучше потерпеть, а то их самих уничтожат. Но желание подполковника Зулпукарова принять участие в операции – это просто желание обезопасить себя на будущее и первым выстрелить в бандитов. У меня тоже часто возникает желание сказать кое-кому: «Спи спокойно, дорогой товарищ, и пусть тебе снится в аду небо цвета плавкого асфальта!» Но я же себя сдерживаю. Рекомендую и местным ментам вести себя так же, как я, то есть проявлять терпение.

– Мне поручили провести операцию, – без тени сомнения ответил я. – Ее я провожу силами собственной группы. Подразделения, с которыми у меня не отработана взаимосвязь, будут мне просто мешать. Можете выставить дополнительное оцепление освобожденными силами. Чтобы здесь не ходили гражданские, не мешали.

– Но... – хотел возразить мент, привыкший, видимо, здесь командовать.

– У меня распоряжение антитеррористического комитета. Если вы не согласны, можете обратиться напрямую туда.

– Я никого снимать с операции не буду, – уперся мент.

– Если вы будете мешать, я вынужден буду сам позвонить в комитет, и возможно даже не мне предложат вас арестовать. Вот-вот прибудет спецназ внутренних войск. Они вас и доставят в камеру.

Тон мой возражений не терпел, и я всем видом показывал, что спорить и что-то доказывать больше не намерен. А четверо ментов и двое омовцев уже шли в нашем направлении от злополучного дома.

– За мной, – скомандовал я Кочергину и Алексею и решительно направился ближе к позициям своих бойцов.

Зулпукаров остался в растерянности, а майор Адилов, как мне показалось, радостно ухмылялся. Впрочем, допускаю, что мне это только показалось. Больше никаких активных возражений не последовало...

Глава третья

1

Пули ударили по боковой броне бронетранспортера, со звоном срикошетили и унеслись неизвестно куда. Впрочем, рядом с БТРом никого не было, и задеть кого-то эти пули не могли. Но стоило повернуться в сторону дома башне со скорострельной пушкой и спаренным с ней пулеметом, стоило слегка повернуться стволам, словно отыскивая цель, как стрельба прекратилась. Бандиты благоразумно отошли от вентиляционных окон.

За их поведением мы наблюдали втроем: я, старший лейтенант Мальцев и Владимир Андреевич Кочергин. Смотровые щели были забраны толстым стеклом, которое не способствует качественному рассматриванию объекта, и потому дом мы изучали сквозь бойницы для индивидуального автоматического оружия. Четвертый член нашей штурмовой группы, Алексей, к бойнице не прикладывался: то ли боялся шальной пули, то ли интересовался исключительно своей техникой.

– Ну что, – утвердительно сказал Владимир Андреевич, – будем работать...

Он говорил об этом, как о чем-то категорично решенном. А я понятия еще не имел, что он подразумевал под словом «работать». И вообще-то не в моих привычках браться за дело, если я не понимаю, за что берусь, что должен делать и как себя вести, если что-то не получится. И потому предпочел сначала прояснить вопрос.

– Это мы понимаем, – согласился я. – Нам бы только знать, что мы должны делать. Если не трудно, я хотел бы некоторой, хотя бы относительной, ясности. Хотя бы на уровне таблицы умножения.

– Алексей, объясни для начала снайперу, – распорядился Кочергин.

Только после этого Алексей, предварительно посмотрев, где находится бойница, и убедившись, что она не будет располагаться позади его затылка, пересел на нашу сторону вместе со своим оружием.

– Здесь все, как у обычной винтовки. Это сделано специально, чтобы пользоваться ей мог любой снайпер. И даже прицел ставится от обычной винтовки, только с некоторыми нашими дополнениями. Мы совместили оптический прицел с коллиматорным. Следовательно, следует ориентироваться на красную точку, которую видит стрелок, но не видит противник. Луч лазера центром попадет точно туда, хотя своими размерами он значительно больше этой точки. Луч расфокусирован, иначе он может просто прожечь противнику голову. Мы же добивались не этого эффекта, а эффекта ослепления, причем такого сильного, что он должен превышать порог болевой чувствительности обычного человека в несколько раз. А этого хватит для самого малочувствительного к боли человека. У того, у кого порог чувствительности сильно понижен, может наступить болевой шок, вызывающий потерю сознания. На нашей винтовке есть предохранитель, выполненный в форме обычного на такого рода оружии, потому ошибиться невозможно. Разница только в том, что наша винтовка способна вести автоматический огонь. Правда, не пулями. И очередь будет непрерывной. Все зависит от того, какое время стрелку необходимо для поражения цели. Заряд аккумулятора позволяет произвести более двадцати выстрелов. Интенсивность зависит от дистанции. На данной дистанции, как я думаю, мы можем рассчитывать даже на тридцать выстрелов. Отличие от обычной винтовки лишь в том, что вместо спускового крючка здесь слабая по усилию пальца кнопка. Нажатие должно быть кратковременным, хотя возможно нажать, а потом навести луч на лицо. Это на случай, если не удастся качественно прицелиться сразу или если цель движется. Одного выстрела в лицо будет с избытком достаточно для любого человека. Кроме того, луч лазера способен поразить глаза

даже сквозь стекло. То есть после выстрела по подвальным окнам снайперы в состоянии контролировать окна первого этажа, чтобы не допустить стрельбы оттуда.

– Это я понимаю, – сказал я. – Мы обстреляем две фронтальные бойницы, ослепим бандитов. А что дальше? Дальше, как я понимаю, должно последовать какое-то иное продолжение?

– Последует. И очень забавное, – Владимир Андреевич показал на ранец, напоминающий акваланг с тремя баллонами. – В чем-то даже комичное. Бандиты будут долго смеяться, когда начнут вспоминать. Правда, не до смеха станет тому, кто будет в нужный момент лежать или даже сидеть. Мы уже опробовали свою установку в Саратове, когда бандиты спрятались точно так же в подвале жилого дома, только там дом был многоэтажный. Мы применили по согласованию с органами МВД свой препарат. В результате один из четверых бандитов умер от инфаркта. Так испугался, что его приступ хватил. Но от инфаркта никто не гарантирован даже в случае простого штурма, я так полагаю, и наш препарат здесь ни при чем. Он только добавляет юмора в ситуацию.

– Подробнее можно? – попросил я.

– Сначала закончим с первым действием, поскольку второе, как в настоящей пьесе, построенной по законам драматургии, вытекает из первого. Одно ружье получит ваш снайпер, второе будет у Алексея. Они блокируют оба окна, и никто не сможет подойти к окнам. Следовательно, фронтальная сторона становится безопасной для передвижения...

– У уважаемого Алексея есть богатый боевой опыт? – спросил я, перебив Кочергина.

Владимир Андреевич слегка растерянно посмотрел на своего коллегу.

– Не знаю. Алексей!

– Боевого – нет. Но на стрельбище я винтовку опробовал и пользоваться ею умею.

– Но одновременно с тем, как вы будете прицеливаться, бандиты будут в вас стрелять, – предупредил я. – А прицеливаться в тире или на стрельбище и делать то же самое под встречным огнем противника – это совершенно разные вещи. Мне кажется, лучше пригласить моего второго снайпера, если вы не возражаете. Это будет надежнее.

Специалисты переглянулись.

– Я не возражаю, – согласился Кочергин. – Пользоваться нашей винтовкой даже легче, чем обыкновенной «СВД». Думаю, Алексей тоже чувствует свое место и возражать не будет. Его дело, как и мое, – техническое обеспечение, а не участие в перестрелке.

Я тут же вызвал через «подснежник» лейтенанта Свистинова. Он, как оказалось, занимал позицию в пяти метрах от бронетранспортера; меньше чем через минуту он уже сидел рядом с нами и усваивал ту же инструкцию по эксплуатации, что уже выслушали мы с Мальцевым.

Свистинов принял винтовку в руки, повертел, посмотрел.

– Легкая непривычно. Отдачи, как понимаю, совсем не будет. Значит, на второй выстрел выйти будет легче. А в остальном все понятно, можем работать.

– Вот и прекрасно, – сказал Владимир Андреевич. – Тогда объясняю ситуацию. В принципе, лазерные винтовки мы уже опробовали и знаем, что они свою функцию должны выполнить, хотя тоже... Разница между лабораторными или стендовыми испытаниями и боевыми – существенная. Но в любом случае винтовки эти исполняют лишь вспомогательную функцию, освобождая какую-то конкретную площадь для того, чтобы кто-то мог подбежать к дому вплотную. Алексей! Давай показывай.

Алексей поставил стоймя рюкзак с тремя баллонами, открыл верхний клапан рюкзака и высвободил гибкий гофрированный шланг с раструбом.

– Это, грубо говоря, «огнетушитель». По большому счету, он может, наверное, и пламя загасить, если будет необходимость...

– Не сможет, – возразил Кочергин. – Состав пропускает воздух, а большинство огнетушителей работает как раз по принципу прекращения доступа воздуха к пламени. Но дело не в этом. И назначение у препарата другое. Продолжай, Алексей.

– Ну, по крайней мере, пламя в душе бандитов наш препарат, которым заправлены баллоны, потушит точно. Управление простейшее: нужно только вставить в окно раструб, перевернуть, как переворачивают огнетушитель, и слегка ударить о землю. Сильный удар не нужен. Возможно, хватит даже собственного веса аппарата, чтобы кнопка освободила клапан. В течение пятнадцати-двадцати секунд выйдет весь препарат. В закрытом виде его немного. Но много и не нужно. От соприкосновения с воздухом препарат начнет пениться и разбухать, а через полторы-две минуты полностью застынет и станет чем-то похожим на строительную пену. Здесь принцип, в общем-то, одинаковый, только расширение более значительное и, что важно, наш препарат обладает высокой клейкостью. Прикоснувшись к нему, человек уже не сможет отклеиться. Не сумеет это сделать, не успеет.

– И еще один немаловажный момент, – добавил Владимир Андреевич. – Как раз тот, о котором я упомянул. Препарат пропускает воздух, поэтому не пригоден для тушения открытого пламени. Но человек, согласно нашим расчетам, сможет дышать, даже если ему частично залепит рот и нос. Правда, были высказаны опасения, что при расширении, например, в носу препарат может разорвать ноздри. Проверить это на практике мы возможности не имели.

– И что нам это даст? – спросил я. – Мы обездвижим бандитов, как я понимаю; то есть они не смогут шагу ступить. Но стрелять-то они смогут? Или я чего-то не понял?

– Я не знаю расстояние от пола до потолка в этом подвале, – сказал Кочергин. – Но по площади дома могу предположить, что пена заполнит его целиком. И двери вырвет в комнаты, если там есть другие комнаты, и в любую щель залезет, и даже в окна будет выбиваться. Расширение у препарата очень мощное. Предположительно, пена поднимется на высоту от одного метра двадцати сантиметров до метра сорока, то есть человека среднего роста укроет по горло, а человека высокого роста спеленает до подмышек. При этом, как мы предполагаем, будет активно происходить процесс склеивания. Не понимая, что происходит, бандиты обязательно попробуют шевелиться и вырваться из клейкого плена. При этом невозможно будет избежать касания клейкой пены руками и оружием. Бандиты будут в полной блокировке.

– Нормальный ход! – Я представил ощущения бандитов, которые столкнутся с действием препарата. Причем они не будут знать, до какой степени может подниматься клейкая пена, и будут уверены, что гибнут, пока пена не перестанет подниматься. Но тогда уже будет поздно. – Будем испытывать...

– Кто понесет рюкзак? – спросил Кочергин.

* * *

Говоря честно, рюкзак оказался очень тяжелым, и я удивился, как легко его ворочал Алексей, внешне довольно худощавый человек, не наделенный, казалось бы, большой силой. Я в сравнении с ним выглядел настоящим атлетом, тем более в бронежилете. С грузом я все же справился, но рюкзак натягивал на плечи с чужой помощью. Хорошо еще, что застежка была специальной конструкции, не позволяла рюкзаку болтаться и потом отстегивалась одним движением.

– Желательно только не ронять аппарат с высоты, – посоветовал Кочергин. – Лучше присесть, прислониться спиной к стене и только потом отстегнуть. А то сработает клапан, и вас, товарищ подполковник, может залить пеной.

– Вот уж спасибо за такое удовольствие, – вежливо отказался я. – Постараюсь обойтись без пены.

Я выгрузился из бронетранспортера, перебежал за кустами дороги и занял позицию рядом с распахнутыми воротами, сколоченными из штакетника. Изнутри двора вдоль забора по всему периметру тоже были высажены кусты, под которыми и залегли оба снайпера, разде-

лив между собой окна. Я слышал их переговоры через наушник «подснежника», утопленный в ухе, и ждал, когда начнется действие.

Бронетранспортер проехал вперед, развернулся и снова профланировал перед домом, на сей раз не поворачивая башню. На это бандиты сразу же отреагировали, как мы и предполагали, несколькими очередями из двух подвальных окон. Теперь в дело должны были вступить снайперы группы, и я ждал какой-то вспышки, какого-то явственного проявления применения этого оружия. Но лазерная винтовка оказалась совсем не такой, как гиперолоид инженера Гарина, и никакого луча мне увидеть не удалось. И только тот же наушник донес мне команду старшего лейтенанта Мальцева:

– Тридцать Первый, вперед! Мы свое дело сделали. Контролируем окна первого этажа. И только после этого из подвала раздался вопль боли.

Я легко поднялся, потому что сидел в нужной позе, приготовившись к рывку. Двор я преодолел стремительно, пересекая его по косой линии и устремляясь в пространство стены ближе к крыльцу. Оно, кстати, закрывало меня от второй стены, где имелось одно окно в подвал. Скорее всего, толщина фундамента не давала бандитам обзора, и они не могли меня видеть. Но все же наличие каменного прикрытия успокаивающе действовало на нервы.

За пару секунд я оказался у стены. Привалился к ней сначала спиной, а потом и вовсе сел на холодные камни брусчатки, которыми был выложен «отлив». Дыхание хотелось перевести глубокими вдохами и выдохами, как это делается обычно. Но времени тоже терять было нельзя. Поэтому я быстро расцепил застежку, освободился от груза, откинул клапан рюкзака, высвободил шланг с раструбом, сделал два шага к вентиляционному окну, ставшему бойницей, и сунул туда шланг. Перевернуть «акваланг» и ударить кнопкой в брусчатку – дело недолгое. Послышалось одновременно деловое гудение аппарата и резкое шипение препарата, вырвавшегося наружу. «Акваланг» подрагивал, грозя опрокинуться, и я придавил его к стене ногой. Однако долго это не продлилось. «Акваланг» застыл, да и шипение стихло. Из подвала послышались крики на местном языке и в довершение картины отборный русский мат. Но звуки прекратились быстро, и я начал опасаться, что бандиты утонули в пене. Потом речь на незнакомом языке зазвучала снова – яростная, возмущенная. Но бандиты, кажется, уже потеряли способность к передвижению. Во двор вошли, совершенно спокойно и без тени сомнения, Владимир Андреевич и Алексей. В них никто не стрелял. Алексей нес, держа за ручку, бензопилу. Я пока так и не понял, для чего он взял ее с собой, но надеялся, что скоро это увижу, и потому не спрашивал.

Часть слегка желтоватой пены все же вышла из бойницы – перехлестнулась через нижний край. Видимо, это был тот уровень, на который поднялась пена. Людей она обязательно должна была бы забрать в плен, в этом сомнений не было...

* * *

Тем не менее, входя в дом, мы соблюдали все правила безопасности и контролировали все возможные секторы обстрела. Обычно это делается тремя обученными бойцами. Метод называется «выдавливанием» и был разработан в специальных отрядах КГБ СССР «Гром» и «Зенит» специально для штурма дворца президента Амина в Кабуле в конце декабря 1979 года. «Гром» и «Зенит» составили впоследствии первое в стране антитеррористическое подразделение «Альфа». А именно с того момента, со штурма президентского дворца-крепости, можно считать, советские войска начали воевать в Афганистане. Та операция была широко разрекламирована и преподносилась как проведенная небольшой группой офицеров советского спецназа против многократно превосходящих численностью и вооружением охранников президента. И только вскользь упоминается, что спецназ КГБ действовал при поддержке двух мусульманских батальонов Советской армии, расквартированных в Кабуле якобы для охраны

советских учреждений. И вообще не говорится, что это были два батальона спецназа ГРУ, то есть реальной и хорошо подготовленной силы. Но справедливость требует признать, что метод «выдавливания» был разработан не в спецназе ГРУ, а в спецназе КГБ. Суть его состояла в том, что фронтальное пространство делилось на секторы между тремя бойцами. На каждого приходилось по шестьдесят градусов наблюдения и контроля плюс – для подстраховки – десять градусов соседнего сектора. Приклад в плечо, палец на спусковом крючке, – и равномерное движение вперед всей тройкой. Птица мимо не пролетит, не получив пулю. Во время войны в Боснии русский так называемый «черный батальон» составом одной роты «выдавливал» из городка полк противника. Потом этот метод был благополучно забыт в период перестройки, и российские спецназовцы заново учились ему уже на основе зарубежных методических пособий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.